

ДРО
МАТАРИМ

18+

ПРОГУЛКА

Чак Паланик и его бойцовский клуб

Дрю Магари

Прогулка

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Магари Д.

Прогулка / Д. Магари — «Издательство АСТ», 2016 — (Чак Паланик и его бойцовский клуб)

ISBN 978-5-17-106156-2

Образцовый семьянин Бен, отправившись в командировку в сельскую глушь Пенсильвании, зарегистрировался в отеле и решил совершить прогулку перед обедом. Углубившись в лес позади отеля, он понимает, что не может сойти с выбранной им тропы. Все, что ему остается, – это двигаться и двигаться вперед, погружаясь в страшный, сюрреалистический мир причудливых демонов, людоедов и огромных насекомых. Отчаянно пытаясь вернуться к семье, Бен полон решимости выследить Продюсера, создавшего этот мир, мир без выхода, смертельный квест.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-106156-2

© Магари Д., 2016

© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Часть 1	6
Глава первая. Тропа	6
Глава вторая. Ворота	10
Глава третья. Вершина горы	13
Глава четвертая. Костер	15
Глава пятая. Кортшир	21
Глава шестая. Желтый свет	25
Глава седьмая. Берег	28
Глава восьмая. Чердак	31
Глава девятая. Пульт	33
Глава десятая. Катер	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дрю Магари Прогулка

Drew Magary
THE HIKE

© Drew Magary, 2016

© Перевод. С. Алукард, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Посвящается моей жене

Часть 1

Глава первая. Тропа

На дороге то и дело попадались мертвые олени. Он проехал мимо группы рабочих в оранжевых жилетах, которые тащили погибшее животное, ухватив его за изящные копыта, словно несли за ножки небольшой стол. После этого олени трупы стали попадаться все чаще: целые или разорванные пополам туши, иногда просто бесформенные куски мяса. Валялись они и на обочинах – то ли их перетащили туда, то ли огромные большегрузные машины врезались в них, перемалывали под колесами, а потом разбрасывали ошметки по сторонам. По шоссе двигалась масса безликих грузовиков. Казалось, управляли ими вовсе не люди. Грузовики пронеслись мимо, как будто направляемые огромным центральным коммутатором, запрограммированные ехать без остановок. Имя им было легион. Они раскатывали оленью кровь по асфальту, ложившемуся под колеса его машины.

Его единственным спутником в машине был бестелесный женский голос навигатора, доносившийся из телефона. Эта дама молчала семьдесят с лишним километров, пока за окном автомобиля мелькали последние всполохи осени на дальних холмах: дивные красные и желтые пятна увядающей листвы, окруженные грустными серыми вкраплениями, словно на неоконченной картине маслом. В итоге навигатор с нечеловеческим спокойствием вывел его с шоссе вниз по склону, а затем направо, потом в горку и налево. Затем дама скомандовала:

Через сто пятьдесят метров поверните направо.

Она приказывала ему повернуть напрямик на отвесный уступ, чему он не повиновался и пристально посмотрел на телефон, проехав предполагаемый поворот в забвение. *Объезд, объезд, объезд...*

– Ну давай же.

В конце концов навигатор перестал дурить ему голову и вывел машину на довольно круто обрывающуюся вниз подъездную дорожку к горной гостинице. Перед ним открылась «фабрика свадеб». Уж он-то знал. Он увидел стоящие веером одноэтажные домики с верандами для свадебных банкетов, со специально отведенными «площадками для улыбок», где бесцеремонный фотограф мог по сорок пять минут держать с десятков шаферов в заложниках, не отпуская их к коктейлям. Он проехал по узенькой дорожке мимо свадебного салона и открытой площадки для летних церемоний до на удивление унылого главного здания в самом конце кругового проезда. Был вторник. *Даже отъявленные крохоборы не женятся по вторникам.* Вместе с его машиной на парковке стояло всего три автомобиля. Он вышел и отправил сообщение своему партнеру:

Привет, это Бен. Я на месте. Увидимся в семь.

Он прошел через главный вход и оказался в старом, запущенном вестибюле. Пожелтевшие обои. Столик с глазурированным печеньем в форме кленовых листьев, упакованным в маленькие мешочки по пять долларов за штуку. Кофейники, опустевшие несколько часов назад. Слева Бен заметил деревянную стойку с вращающимися табуретами, но бармена там не увидел. Маленькая девочка в просторной ночной рубашке с оборками танцевала босиком вокруг столика с печеньем, а ее мать покрикивала:

– Может, ты обуешься? Здесь пол грязный!

Женщина с руганью увела дочку наверх, а Бен подошел к стойке портье. Там никого не оказалось, однако он заметил, как за ней открылась дверь в небольшую убогую конторку. Он нерешительно пробормотал: «Эй», – как обычно говорят, спускаясь вниз ночью, чтобы узнать,

не проник ли в дом грабитель. Шаркая ногами, из конторки вышла невысокая старушка и взяла его кредитную карточку и удостоверение личности.

Она как-то странно посмотрела на него. Он уже к этому привык. По его лицу от глаза до уголка рта вился длинный шрам. Впервые увидевшие Бена люди сразу замечали шрам и делали вывод, что перед ними злой и неприятный человек, хотя он таковым не был. По крайней мере в самом начале.

– В котором часу закрывается бар? – спросил он у портье.

– Бар?

– Да, бар. Который вон там.

– По-моему, бар закрывается около девяти. – Его небольшой деловой ужин, скорее всего, закончится гораздо позже. Количество выпивки в гостинице придется планировать тщательнее, чем обычно.

– Красота у вас тут какая. Есть ли здесь тропа, где можно прогуляться? – спросил он у нее.

– Тропа?

Да, мадам. Тропа, чтоб тебя...

– Да, вроде дорожки, понимаете?

– Нет, по-моему, здесь у нас никаких троп нет.

– Правда?

– Точно нет.

Бен ушам своим не верил. *Вы среди восхитительных гор, давным-давно обжитых людьми, и думаете, что никто не удосужился проложить здесь дорожку?* Погулять он все равно выйдет. Что-нибудь найдет.

Старушка вписала его в регистрационную книгу и выдала ключ от номера. Настоящий ключ. Не электронную карточку.

– Мэм, вы не подскажете, где тут лифт? – спросил он у нее.

– У нас нет лифта.

– Ой... Ну все равно спасибо.

Бен подхватил чемодан на колесиках и потащился с ним вверх по лестнице. Никакой посыльный на подмогу не пришел. Коридор наверху оказался, к неприятному удивлению, очень узким. Чтобы разминуться со встречным, пришлось бы повернуться боком. Он дошел до номера с табличкой «19», повернул ключ в замке и попал в комнату с выкрашенными в красный цвет стенами. В нос ударил затхлый запах. Ничто в этой дыре не располагало к уюту и напоминало поездку в дом к ненавистой тетке.

Бен позвонил жене. Когда она ответила, на заднем плане визжали дети. Они всегда визжали на заднем плане.

– Привет!

– Добрался? – спросила она.

– Да, добрался.

– И как гостиница?

– Да не очень, если честно. Оставаться здесь на ночь радости не доставляет.

– Уф-ф! Не клади чемодан на кровать. Там клопы.

– Чтобы ты знала, я поставил его на стол. Он даже не коснулся покрывала.

– Молодец.

– Хотя вокруг тут очень мило. Могла бы и ты приехать. А Ома присмотрела бы за детьми.

– Не начинай. Ей с ними не управиться. Я сама с ними еле управляюсь.

– Да, верно. Как там у вас дела?

– Пришлось прикончить в подвале огромного сверчка. Такого здоровенного я вижу второй раз в жизни.

– О господи!

- Ну да, так что наслаждайся там одиночеством, везунчик.
- Я тут по делу, а не для забавы.
- Конечно-конечно.
- Вот именно. И перестань меня пилить.
- Ну и что ты собираешься делать со всем этим свобод... ФЛОРА, Я ПО ТЕЛЕФОНУ ГОВОРЮ... ФЛОРА, ПОПРОСИ, ЧТОБЫ ОН ЭТО СДЕЛАЛ... Господи... Пора идти.
- Ничего страшного. Люблю тебя. – С тремя детьми разговоры у них заканчивались нормально очень редко.

Надев тренировочный костюм, Бен снова спустился в пустой вестибюль, прошел через небольшой фитнес-центр, открыл стеклянные двери и оказался на улице. С собой у него не было ничего, кроме телефона и ключа от номера. Ни часов, ни бумажника. За главным зданием открывалась посыпанная гравием подъездная дорожка с невзрачным сараем, где хранилось оборудование для ухода за территорией: вездеход, газонокосилки, дерн, удобрения и прочая всячина. За сараем он заметил утоптанную дорожку, ведущую от гостиницы. Она показалась ему подходящей для прогулок. Возможно, дорожка предназначалась только для обслуживающего персонала, но Бен не приметил никого, кто мог бы ему помешать. Он обошел сарай и обнаружил, что дорожка становится шире. Через три минуты он миновал скворечник и столбик с табличкой «150 м». Его охватило желание вырвать столбик из земли и притащить в вестибюль. *Вот, полюбуйся, дура старая. Полюбуйся на маркированную тропу прямо за гостиницей.*

Бен продолжал шагать. Тропа шла по кромке гребня со склонами по обе стороны, словно идешь по вытянутой вершине. Внизу виднелась долина, расчерченная большими участками землевладений: сотни гектаров аккуратно подстриженной травы, на поддержание которой в безупречном состоянии требовалась масса времени. Он видел большие дома, обосновавшиеся посередине этих зеленых полей, и каждый из них вполне годился для ушедшего в отставку президента. Наверное, внутри были кухни с мраморными столешницами и всем прочим. Можно приглашать в такие дома друзей, угощать их деликатесными сырами, пить коллекционное красное вино и веселиться лет с сорока и до самой смерти. Совсем неплохо бы оказаться в такой шикарной колее и жить по однажды заведенному распорядку. Ему захотелось спрыгнуть с горы и подлететь к одному из домов.

Тропа манила его. Ему захотелось пробежаться трусцой, но из-за былых травм коленей это показалось рискованным. Его правая коленка представляла собой застарелое переплетение шрамов и пересаженных связок, и он поглаживал ее, словно талисман, всякий раз, когда занимался спортом, даже если она и не болела. Так что он ободряюще похлопал себя по коленке и зашагал быстрее. Он миновал второй маркер, затем третий, потом четвертый, каждый из которых окружали скворечники. Это были настоящие птичьи домики: с крышами из дранки, ступенчатыми фасадами, дверцами и оконцами, через которые могло смотреть наружу семейство воробьев. Может, внутри там были и столешницы. Наверное, здесь у *всех* были вот такие классные домики.

И тут Бен вышел к полукилометровому маркеру и обнаружил стоявшие кругом скамейки из толстых древесных стволов, распиленных пополам и прикрученных к большим круглым спилам других стволов. В центре круга находилась обложенная камнями ямка со следами кострища. С любого места открывался дивный вид на окружающие горы Поконо. Здесь можно было покурить травки, поиграть на гитаре, распить бутылочку виски, а потом пойти заняться сексом за ближайшим деревом. Именно *такое* тут местечко. Хорошее местечко. У его дома в Мэриленде подобных местечек было немного. Там царили суета, скученность и деловитость, и каждый клочок земли оказывался ухоженным. Никаких тайных тропок больше не осталось.

Тропа огибала зону отдыха и вела обратно к гостинице. Здесь находился ее конец... *разве что...* Разве что отчетливо виднелись следы от шин вездехода, уходившие от круга и ведущие

вниз, в густой лес. Бен вытащил телефон (он не мог долго обходиться без того, чтобы его не проверить) и отметил время: 15.12. Не имело никакого смысла снова застревать в краю «полу-пансиона» и задыхаться от причуд, которые могли нравиться лишь тем, кому за шестьдесят. Время у него было. Просто масса времени. А навигатор всегда приведет назад, пусть даже и с небольшими сбоями и капризами. Утром, собираясь в дорогу, он случайно переключил навигатор в режим ходьбы, а не вождения. Приложение сообщило, что ему понадобится восемь дней, чтобы дошагать до гостиницы. Увидев это, Бен рассмеялся.

Он сунул телефон в карман и пошел по следам от колес.

Глава вторая. Ворота

Маркеры-указатели исчезли, но тропа оставалась вполне проходимой. Бен шагал вдоль параллельных полос вдавленных в землю опавших листьев, а позади него простирался лес. Дорожка пошла под уклон, и ему пришлось идти зигзагом, чтобы удержаться на валявшихся повсюду камнях. При возвращении придется попотеть, двигаясь в гору, но опять же – время у него было. Может, тропа шла по кругу. Может, на обратном пути попадется более пологий и удобный подъем, тогда не надо будет особо надрываться. Он вполне мог продолжать двигаться вперед, но в итоге опять выйти к гостинице.

Бен ждал, что появятся попутчики – еще один гуляющий, или бегун трусцой, или служащий гостиницы, вышедший подышать во время перерыва, но ему никто не повстречался. Он был один, впервые за долгое время. Его то и дело подмывало проверить телефон, однако он подавил в себе этот зуд и попытался воспользоваться моментом... насладиться величавой красотой леса. О, величавая красота! Опадающие листья, далекий гул тракторов, доносившийся с другого склона горы, и дивное синее небо над головой. Да-да, все это стоило вкусить во благо самосовершенствования.

Затем он наткнулся на развилку. Здесь следы от колес вездехода разделялись надвое. Посмотрев направо, он увидел, как они спускаются к главной дороге. Сквозь редкую листву Бен заметил изредка пронесившиеся силуэты машин. Если он направится туда, то в конце концов упрется в шоссе, и придется повернуть назад, потому что вдоль дороги не было тротуаров. Это лесная дорога. Ты или едешь по ней, или валяешься на обочине, как мертвый олень.

Поэтому Бен двинулся налево и старался держаться гребней холмов, продолжая шагать, пока поворот на лесную дорогу не скрылся из виду у него за спиной. Он вспомнит развилку, если придется возвращаться этим же путем. Ее нельзя ни с чем спутать. Не было другого места, где тропка бы вздымалась почти вертикально, как там, так что он зашагал с еще большей уверенностью. Он заметил, как внизу снова показались помпезные дома, и теперь с каждым шагом приближался обратно к гостинице, похоже, на том же уровне. Ему было хорошо. Все замечательно. Тропа снова раздвоилась, и на этот раз Бен достал телефон, открыл приложение «Заметки» и записал ориентиры, чтобы не забыть: «Два дерева с расщепленными стволами на развилке». Он подумал, а не позвонить ли ему еще разок домой и поболтать с детьми (по телефону они так прелестно щебетали наперебой), но в верхнем левом углу дисплея не увидел ничего, кроме надписи «Поиск...». Единственным способом снова оживить телефон было двигаться дальше.

Совсем скоро Бен заметил вдали ворота: старые, с железной щеколдой. Чтобы снять с них цепь и открыть, нужно выйти из машины. Ворота были приоткрыты, рядом с ними красовалась большая табличка «Проход запрещен», а чуть дальше виднелся старый белый пикап, притулившийся у входа в двухэтажный сарай, обшитый листами алюминия.

Затем Бен услышал стрекотание или жужжание, похожее на мотор листоотбрасывателя или триммера для живой изгороди... На мотор, который начинает работать от одного нажатия на кнопку. С каждым шагом звук становился все громче, но людей Бен не видел и не мог определить, откуда исходит этот шум. Он вдруг почувствовал себя гораздо уязвимее, чем пять секунд назад.

Приближаясь к воротам, Бен замедлял шаг, сначала даже сам того не осознавая. Вот он быстро вышагивал и тут же начал ступать тихо и осторожно, словно подвыпивший подросток, пытающийся не разбудить родителей. *Может, стоит повернуть назад.* Похоже, мысль неплохая. Все равно дорожка здесь, скорее всего, кончалась. Он мог бы вернуться вверх по склону горы, добраться до гостиницы, принять душ, переодеться и, может быть, ненадолго прилечь перед встречей. Теперь гостиница не казалась такой уж плохой. Наверное, там есть горячая

вода. В марафонцы Бен не очень-то годился. Теперь каждый шаг вперед подразумевал лишний шаг назад. Это действовало ему на нервы и сказывалось на травмированной коленке. Тут он больше ничего интересного не увидит.

И в эту секунду он заметил человека: крупного, крепко сбитого мужчину в дешевых джинсах и в джинсовой рубашке, который вытаскивал из сарая тело женщины или девочки в короткой ночной рубашке. Ног у тела не было. Спутанные волосы на голове пропитались кровью. Руки безжизненно повисли, и Бен заметил на ногтях следы облупившегося синего лака. Ноги представляли собой волочившиеся по земле обрубки. Он заметил красные пятна, как на растерзанных оленях вдоль шоссе. *Ясно заметил.* Потом мужчина повернулся к нему, их взгляды встретились – и...

Лица мужчины не было видно. Оно скрывалось под шкурой черного ротвейлера, снятой с собачьей головы вместе с ушами.

Не успев хоть что-то сообразить, Бен кинулся бежать. Он даже не чувствовал движений своего тела. Его целиком поглотили образы и звуки: образ рассекающей лес тропы, стук брошенного убийцей на землю тела, а потом убыстряющиеся шаги: сперва неуклюжие, затем разгоняющиеся, а теперь глухо бухающие за спиной, словно великан топал от поля к полю. Вскоре он услышал тяжелое дыхание убийцы и его зловещий демонический смех. Мужчина в маске из собачьей шкуры нагонял Бена.

Не притормаживай. Не сбивайся ни на секунду.

Бен, не переставая, кричал: «ПОМОГИТЕ!» – но слышал лишь становившийся все громче смех своего преследователя. Лицо у Бена побагровело. Казалось, что из глаз вот-вот хлынет кровь. Он подумал, не вытащить ли телефон, но это лишь замедлило бы бег, а главной его целью сейчас было оторваться от погони. Тропа ложилась под ноги, но он едва различал ее, потому что у него перед глазами сменялись картины одна ужаснее другой: вот убийца с собачьей мордой нагоняет его, вот его обезображенное тело, вот жена отвечает на телефонный звонок, визжит от ужаса и роняет телефон на пол. Надо оглянуться. Терпеть он больше не мог.

Убийца бежал метрах в двадцати позади него: расстояние вполне безопасное, но Бену от этого легче не стало. Мужчина был вдвое крупнее и держал в руке огромный разделочный нож. Даже с такого расстояния Бен заметил, что режущая часть у него чище и свежее всего лезвия и рукоятки после недавней заточки. Лезвие сверкало, изготовившись пронзить кости, кожу, сухожилия и все, что встретится у него на пути. Мужчина поймает его, а затем Бен увидит безумные зеленые глаза, почувствует жуткий запах псины и ощутит, как нож вонзается в тело, и этот последний взгляд сопроводит его в мир иной и дальше, дальше...

Теперь Бен не старался кричать «ПОМОГИТЕ». Он просто визжал, бессмысленно, словно рвоту, извергая мягкие, протяжные звуки. Они вырывались помимо его воли. За спиной слышался неумолкающий смех маньяка. И тут Бен разобрал что-то отдаленно похожее на...

– Я ждал этого с того дня, как ты родился.

Несясь по тропе, он заметил на обочине разложенные каким-то жутким узором вязанки палочек. Такого он раньше никогда не видел. Может, этот убийца, *собакомордый*, все время поджидал Бена. А теперь загнал в ловушку. Может, его разделают, насадят мясо на эти палочки и оставят на съедение безликой собаке. Бен снова оглянулся. Расстояние между ними увеличилось до тридцати метров, и Бен молился, чтобы хватило сил добежать до маркера, свернуть на гору и навсегда оторваться от этого маньяка, а затем добраться до гостиницы, вызвать полицию, сесть в машину, рвануть домой и больше никогда в жизни сюда не возвращаться. *Спасибо за все, Пенсильвания, пропади ты пропадом.*

Только Бен понадеялся на спасение, как в десяти метрах перед ним на тропу выпрыгнул еще один мужчина. Тоже в собачьей «маске». И с ножом. Сквозь раскрытую собачью пасть Бен разглядел его рот и зубы. Второй тоже смеялся, улыбался и был явно невменяем. Бен снова

завизжал от смертельного испуга. Он выплевывал визг, словно это было последнее оружие, с которым он мог ринуться на безумца.

Беги прямо на него. Вот первое, о чем подумал Бен. В детстве он играл в американский футбол. Защитником. На поле не блистал, но и в хвосте не плелся. Когда они выступали против команды с действительно хорошим полузащитником, их тренер всегда использовал один и тот же прием: *Беги прямо на него. Не дай ему загнать себя. Не пытайся его обдурить. Просто сшиби гада с ног и действуй внезапно.* Теперь Бен оказался между убийцами впереди и сзади, а по бокам его подстерегали предательски ненадежные склоны горы, ждавшие, когда он оступится и станет легкой добычей. Оставалось одно: вспомнить футбол.

Так что Бен ринулся вперед. Он представил, что под мышкой у него футбольный мяч, и рванулся на противника, издав боевой клич.

Второй собакомордый явно этого не ожидал. Только он начал заводить назад руку с ножом для удара, как Бен уже сшиб его с ног. Врезал локтем по подбородку и обрушил наземь, словно это ему ничего не стоило, словно он все эти годы ждал последнего великолепного броска. Если бы он начертил его схему и неделю тренировался, все равно лучше бы не получилось.

Теперь он бежал так быстро, что ему казалось, будто мышцы вот-вот лопнут, разлетевшись ошметками в другие части тела, где им совсем не место. Он оглянулся: первый собакомордый склонился над вторым в тридцати метрах позади, потом в сорока, потом в пятидесяти, после чего оба пропали из виду. Вскоре Бен перестал их слышать. Он набирал фору. Он доберется до гостиницы. Он будет жить.

Но когда он начал рыскать глазами в поисках двух деревьев с расщепленными стволами, обозначавших его путь на гору, то так их и не нашел. Тропинка изгибалась вправо, а не влево, как он изначально предполагал, и теперь он увидел большие клены и другие приметы местности, которые не заметил по пути: какие-то странные нагромождения камней, неровные склоны, колдобины, заполненные жидкой грязью. Параллельным курсом пробежало семейство оленей, то исчезая за деревьями, то вновь появляясь. Он поглядел вниз с горы и не увидел никаких следов дороги и ни одного помпезного дома. Они исчезли. Исчезло всё... все... и вся.

Глава третья. Вершина горы

Бен на бегу выхватил телефон, чтобы посмотреть, который час (16.02), и надеясь увидеть четкий сигнал, но не светилась ни одна полоска. По-прежнему горело слово «Поиск...». Чем дальше он ищет, тем быстрее разрядится аккумулятор. Его охватила какая-то яростная безысходность, он тяжело дышал, его трясло. Он с новой силой припустил по тропе, выискивая глазами какое-то пятнышко дороги, мимолетный отблеск автомобильного кузова или какие-нибудь рукотворные строения, но ничего не попадалось... он не узнавал ровным счетом ничего из увиденного за последний час. Поглядывая на тропинку, он открыл на телефоне приложение «Карты», смутно надеясь на то, что аппарат наконец-то поймал сигнал с вышки, но на дисплее светилась лишь одинокая синяя точка, пульсировавшая в ожидании, когда вокруг нее появится окружающий мир.

– ПОМОГИТЕ! КТО-НИБУДЬ, ПОМОГИТЕ!

Тишина. Телефон выскользнул из рук и упал на землю – так сильно его трясло.

– Черт.

Он поднял телефон и снова побежал. Волна адреналина немного схлынула с того момента, как он ускользнул от двух собакомордых, и теперь, задним числом, его начал охватывать ужас, все больше и больше довлея над ним. Ему вовсе не казалось, что он окончательно убежал от тех двоих. Они по-прежнему находились где-то поблизости, словно часть антуража, вместе с мертвой девочкой с изуродованными ногами, торчавшими наружу обломками костей, обрывками сосудов и мышц, окрашивавших опавшие листья, словно набор кистей. *Бедная мать малышки*. Образы и звуки становились все яснее и затвердевали в воспоминания, пока он бежал без оглядки. *Я ждал этого с того дня, как ты родился*. Внутренним взором Бен видел жуткие пасти ротвейлеров, произносящие эти слова. Господи, как он *ненавидел* ротвейлеров. Он пробежал глазами по высившейся горе в поисках двухъярусных скворечников или бревенчатых скамеек, но ничего подобного не заметил. Тропинка рвалась вперед без какого-то видимого намека на окончание.

Однако как далеко он успел убежать от гостиницы? Бен не относился к бегунам на сумасшедшие дистанции, и к тому же прошло не так *много* времени, как он вышел на улицу. Если он поднимется на вершину горы и пойдет обратно по собственным следам, то снова попадет в гостиницу, верно? Это означало возвращение по направлению к собакомордым, однако он, конечно же, рано или поздно хоть что-то да обнаружит (хотя это в равной мере относилось к движению в *любом* направлении, поскольку он находился всего в ста с лишним километрах от Нью-Йорка). Он посмотрел на телефон, но синяя точка все пульсировала и пульсировала. Он снова набрал номер жены, но вызов сорвался.

Это все сон. Подобная ситуация физически невозможна, значит, мне нужно всего-навсего проснуться. Если он во сне чуть шлепнет свой мозг, то вздрогнет и вновь выплывет на поверхность сознательного. Иногда он подобным способом обрывал ночные кошмары. Поэтому Бен изо всех сил закричал: «Э-Э-Э-ЭЙ!» Похоже на настоящий крик. Похоже, это именно он и кричал. Здесь. В реальной жизни. Не во сне. Вот черт!

Растерявшись, Бен все же заметил узкое ответвление от тропы, уходившее вверх по склону горы. Может, убийцы промчатся мимо, не заметив его. Он свернул и начал торопливо карабкаться вверх, отчаянно пытаясь сохранить отрыв от собакомордых. Восхождение выдалось совсем не идеальным – он то и дело поскользнулся на листьях, неуклюже перепрыгивал через могучие корни и колючие сорняки, – но все-таки успешным. Он оказался во впадине между двумя островерхими возвышенностями. С обеих сторон вздымались горы, а тропинка поворачивала направо. У себя за спиной он разглядел небольшое возвышение, где *должна*

находиться гостиница. Но никакого гребня там и в помине не было. Топография совершенно изменилась. Вот теперь Бен пришел в ужас *и вместе с тем* разозлился.

Дома он любил смотреть реалити-шоу на выживание и сейчас вспомнил одно из основных правил: если заблудился, ищи самую высокую точку, чтобы оттуда увидеть как можно больше из того, что лежит внизу. Очень даже логично. Он двинулся по уходившей вправо тропинке к небольшой возвышенности, продираясь через узкий проем среди переплетенных сухих ветвей, замшелых камней и низеньких хвойных деревьев, царапавших его острыми иголками. Это потребовало непривычно больших усилий, и он начал быстро выдыхаться. Колено уже гудело от боли, и его одолевал «музейный синдром». Штанины были облеплены репьями. Пыль оседала на кроссовках и лодыжках, поэтому ноги ниже колена оказались покрыты ровным слоем грязи. Но он не останавливался, потому что знал: если прекратит движение, собакомордые найдут его и порежут на куски.

Когда он добрался до вершины, солнце уже начало садиться. Эта гора находилась гораздо ниже уровня леса, ели и сосны с покрытыми лишайником стволами закрывали обзор во всех направлениях, а залезть на них было невозможно. Бен попытался хорошенько разглядеть, что же находится внизу, но света уже не хватало, и он не смог различить ни домов, ни гостиниц. Ни дорог. Ни огоньков. Ни дымков, выходящих из труб. Он вытащил телефон, но тот по-прежнему показывал «Поиск...». Аккумулятор был почти разряжен. Он окончательно сядет в течение часа, если держать аппарат включенным, но Бен и помыслить не мог его выключить, когда телефон был нужен до зарезу, когда было нужно, чтобы этот проклятый гаджет *заработал*. Он опять набрал номер жены, но ответом стала пустота.

– Давай... *Давай же*, зараза.

Он все время ждал, что снова услышит смех собакомордых, но пока вообще ничего не слышал: ни птиц, ни белок, ни шума покачивавшихся на ветру деревьев. Во всем мире остались лишь он и его умирающий телефон.

В папке «Утилиты» операционной системы аппарата имелся компас, одна из немногих программ, для работы которых не требовался дурацкий сигнал. Вниз по склону, в направлении места убийства находился запад. На запад Бена не тянуло. На восток куда лучше. Он пойдет на восток, пока что-нибудь не обнаружит. Рядом лежал камень, на котором можно отдохнуть, так что Бен открыл приложение «Заметки» и записал «островерхий камень» как маркер. Затем он с силой нажал на кнопку выключения телефона вверху корпуса, полоснул по дисплею, чтобы насовсем его выключить, и наблюдал, как заставка сменилась вращающимся белым колесиком на фоне черной пустоты, катящимся в никуда, пока оно тоже наконец не погасло.

Бен положил телефон в карман, присел на камень и разрыдался, уткнувшись лицом в футболку.

Глава четвертая. Костер

Он быстро спускался с горы по узенькой, едва различимой тропинке, ведущей на восток. И пусть в том направлении не наблюдалось ни малейших признаков хоть чего-то, что могло бы ему помочь, но им двигала вполне здравая мысль, что он близок к спасению. *Насколько сильно я заблудился? Я же в Америке.* Сама мысль о том, что можно потеряться посреди курортной зоны в Пенсильвании, казалась нелепой и смехотворной. Он устал, был перепуган, но в то же время злился на самого себя. *Каким же надо быть идиотом, чтобы погибнуть оттого, что заблудился рядом с дурацкой гостиницей?*

Спуск с горы казался бесконечным. В какой-то момент ему пришлось лечь на живот и по краю огромного валуна медленно, ползком спускаться вниз, на землю. Над горой сгушалась тьма, но пока еще Бен четко различал все предметы в непосредственной близости от себя, а именно – деревья. Одно высокое опавшее дерево за другим. Прямо выставка деревьев. Он продолжал быстро спускаться с горы, но в состязании с наступавшим холодом явно проигрывал. Холодок обнимал его, схватывая ледком пропитанную потом футболку и волнами перекачиваясь под шортами. И все еще только начиналось. Становилось еще холоднее. Даже смешно, насколько легко его пробирал холод. Помести его в дом с климат-контролем, с хорошим отоплением и освещением, и он смог бы строить из себя героя. Но пара часов при температуре чуть выше нуля – и он делался беспомощным, как младенец. Прикончить его ничего не стоило. Предоставьте это погоде. Или собакомордым. Или комару с какой-нибудь заразой. Вполне возможно, что он вряд ли доживет до утра, если не найдет безопасное прибежище.

Он упорно двигался вперед, не желая сдаваться и замерзнуть до смерти, оставшись на ночевку на вершине горы, где в любую секунду его могли настичь собакомордые. Затем земля вдруг выровнялась под ногами у Бена, а тропка как-то сразу расширилась, став чуть ли не бульваром. Следов от шин не осталось и в помине. Открытое пространство между деревьями было плоским, относительно чистым и простиралось прямо на восток. Эта дорога или просека явно *куда-то* вела: лучше бы туда, где найдется теплый душ, тарелка горячего супа, зарядка для телефона и участливый полицейский, который все подробно и грамотно запишет.

С какой-то безумной решимостью Бен изо всех сил бросился бежать. В глубине души он надеялся, что этот последний отчаянный рывок выведет его к заветной цели. Но вскоре солнце полностью закатилось за горизонт, а то, что Бен так страстно жаждал увидеть – автозаправку, дорогу или закусочную, – все никак не появлялось. Второе дыхание начало улетучиваться. Он не мог разглядеть никаких указателей или маркеров, силы снова стали таять, и его все больше охватывало отчаяние от понимания того, что он постепенно удаляется от цивилизации.

Тянулись один за другим часы, пока он брел вперед в сопровождении лишь одиноко висящей в небе луны. Бен снова чуть было не разрыдался, когда наконец увидел справа от тропы что-то похожее на бивак. Он представлял собой поляну с потухшим кострищем посередине, окруженным складными стульями с нейлоновыми подлокотниками и сетчатыми держателями для бокалов с пивом. Чуть сбоку стояла небольшая красная палатка. *Люди.* Настоящие, живые люди с человеческими лицами вполне могли находиться в этой палатке. Он спасен.

– ПОМОГИТЕ! Э-Э-ЭЙ! ПОМОГИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА! ГОСПОДИ, ПОМОГИТЕ!

Бен дошел до бивака и остановился прямо перед маленькой палаткой. На двоих. Самое большее.

– Э-эй!

Тишина. *В палатку не постукишь.* Бен осторожно приблизился и расстегнул молнию на входе от земли до самого верха. Отодвинув полог, он увидел внутри лишь синий рюкзак, упаковку бутилированной воды в термоусадочной пленке и маленькое ворсистое красное одеяло. И все.

– Есть кто живой? – Внутри явно никого не было, но он все-таки спросил, хоть на что-то надеясь. Потом набросился на воду. Пить, да, пить. Как же хочется пить. И есть. Господи, как же ему хотелось есть и пить. Как только он подумал о еде, эта мысль поглотила его без остатка. Он уже и забыл, когда у него в животе было так пусто. Забыл, что такое *настоящий* голод: навязчивый, неотступный. Он быка бы съел.

В рюкзаке Бен обнаружил упаковку картофельных хлебцев, две пачки хот-догов и несколько пакетиков с вяленным мясом, которое обычно продают на автозаправках. Вполне сгодится. Он опустошил упаковку хлебцев и жадно выхлебал три бутылочки воды. С голодом и жаждой пока разобрались.

Теперь дальше: согреться. От беготни в тонких шортах по жуткому холоду его многострадальные ноги чуть не окоченели. В наружном кармане рюкзака нашлась небольшая зажигалка, что само по себе было крохотным, но чудом. Кострище представляло собой не более чем щепотку остывшего пепла, но по кромке поляны валялась масса сухих листьев и веток, которые можно собрать. Он может развести костер, хотя сам этот факт означал поддаться мысли остаться здесь. До утра. Он даст слабину и подвергнет себя опасности, тем самым официально становясь самым тупым в мире заблудившимся. Но тело у него гудело от усталости, фонарика в рюкзаке он не обнаружил, а в обступившем его лесу отсутствовали какие бы то ни было формы жизни. На самом деле решение принялось само собой. Он похлопал себя по карманам и понял, что ключ от гостиничного номера пропал. Наверное, выпал на бегу. Он уже никогда не сможет за ним вернуться.

– О нет.

Бен принялся сгребать горстями сухие листья, стараясь не зацепить влажную, спрессованную листву под ними. Прежде чем бросить листья в центр кострища, он сминал и крошил их. Когда набралось достаточно трута, он отправился за щепками и веточками, положив с десятков на трут, а остальные поставив «шалашиком». Папаша Бена любил разжигать костры почти так же, как нажираться, и когда Бен был еще совсем мальчишкой, разрешал помогать ему в этом деле. Все это было еще до развода, когда его родители жили вместе в Миннесоте, еще до того, как старикан плюнул на все и уплыл от Бена и его матери по медленной реке из дешевой водки. Они с папашей притаскивали из стоявшей во дворе поленицы охапки дров, потом доставали старые газеты, сворачивали их в трубочки, скручивали и клали в камин. Затем сверху крест-накрест укладывали дрова. После папаша все это запаливал, а Бен пристально смотрел на огонь и тянулся за кочергой всякий раз, когда пламя начинало убывать, – все время помешивая, все время следя, все время желая, чтобы огонь жил и грел.

Теперь же у бивака он несколько раз щелкнул зажигалкой, чтобы добыть огонь, но оцарапал о колесико кончик большого пальца и лизнул его, чтобы унять боль. Еще одна попытка – и листья наконец занялись, шипя огнем и взметнув над деревьями изящный столбик дыма.

Может, кто-нибудь заметит дым и придет мне на помощь. Или явится прикончить меня.

Давно наступила ночь, и даже если бы какой-то добрый самаритянин заметил дым, совсем не факт, что он ринулся бы на помощь. Это же Америка. В Америке никто не терялся и не пропадал. Если дым и заметят, то скажут: «Похоже, кто-то костер развел!» – а потом пойдут перекусить. Покорившись судьбе, он снял кроссовки, стянул грязные, вонючие носки и вытянул к огню липкие от пота и грязи, распухшие бледные ноги, чтобы привести их в чувство. Как же приятно поиграть пальцами ног. Настало время замертво рухнуть спать. Он так вымотался, что мог бы заснуть вверх ногами. Пока он временно избавился от собакомордых, и на него волнами накатывали элементарные потребности в пище, тепле и отдыхе. Спать надо как придется, но ему нужно хоть немного набраться сил для того, чтобы снова подняться и бежать дальше. Палатка была ничего себе, пусть даже почти не защищала от капризов погоды. Она мало чем отличалась от его гостиничного номера. Но спать в ней ему нельзя. Палатку слишком легко

обнаружить. Придется использовать ее как ложную цель. Он дождался, пока догорел костер, чтобы собакомордые не смогли его засечь, потом метрах в десяти за палаткой увидел упавшее дерево и устроился за ним, накрывшись одеялом и набросав сверху для маскировки наломанные на кустах ветки. Каждый доносившийся из леса звук заставлял его вздрагивать всем телом.

Он включил телефон. Часы показывали 00.03. В аппарате было несколько семейных фотографий и видеороликов. Немного: там не хватало памяти, чтобы долго хранить старые записи (дома он скачивал их на компьютер для архивации). Но немного все же лучше, чем ничего. Он старался подольше сохранить заряд аккумулятора, но ему стало невмоготу, захотелось снова увидеть Терезу и детишек. Вдруг посреди ночи с ним что-то случится, и он уже никогда не сможет взглянуть на них.

Он открыл фотогалерею и увидел детей, разодетых к Хэллоину: девятилетнюю Флору в костюме вампириши, шестилетнего Руди в облачении щенка и трехлетнего Питера с мешком для угощения с надписью «Откупись, а то заколдую», но без костюма, потому что не так-то просто натянуть маскарадный костюм на трехлетнего малыша и заставить его оставаться в нем. Увидел он и свою жену, единственного дисциплинированного человека, внявшего просьбе улыбнуться в объектив. В альбоме было еще несколько фотографий, но совсем маленьких.

Открыв папку с видео и выставив звук почти на минимум, Бен глядел, как Руди качается на дереве в одном ботиночке и кричит во все горло: «Я КАЧАЮСЬ БЕЗ БОТИНКА!» Малыш без устали повторял эту фразу и каждый раз смеялся. Бен не принадлежал к категории фанатов видеосъемки. До наступления эпохи смартфонов он так и не удосужился купить видеокамеру, поскольку не хотел становиться одним из *тех самых* папаш, которые всегда и всюду следуют за своими чадами с камкордером, как полные идиоты. Но теперь все телефоны производились с камерами, и, доложу я вам, как же детишки любят смотреть ролики со своим участием. Так что он тоже снял несколько сюжетов и хранил их в архиве. Вот ведь странная вещь: часы, месяцы и годы, проведенные с ними... Теперь он мог вбить жизни детей в хаотично разбросанные капсулы их существования. Как же сильно он по ним скучал! Такое чувство, что он уехал несколько месяцев назад.

Когда Бен выключил видео, потому что смотреть их стало невыносимо больно, он заметил в левом верхнем углу дисплея одну светящуюся полосу.

Сигнал.

Он сразу же позвонил жене, и та ответила:

– Бен?

– Тереза! – прошептал он. – Тереза, я заблудился! Я люблю тебя! Прощу тебя, отошли...

Вызов сорвался. Хуже того, одинокая полоска исчезла и сменилась надписью «Поиск...».

– Нет. Только не это, нет-нет-нет. НЕТ!

Он выскочил из-за дерева и поднял телефон как можно выше, ища сигнал. Если тот был, значит, появится снова. *Где же он? Где этот проклятый сигнал?* Он пожалел, что не способен видеть радиоволны, гамма- и рентгеновские лучи, пронизывающие воздух, чтобы вычислить этот сигнал и обрушиться на него с самыми грязными ругательствами. Он кружил вокруг потухшего костра и размахивал телефоном, стараясь не пропустить ни малейшего участка вокруг, но все без толку. После пяти минут высокотехнологичного отчаяния телефон вырубился. Дисплей почернел.

– Нет! Чтоб тебя, НЕТ!

Продолжая выплясывать, Бен несколько раз перезагрузил аппарат, наблюдая, как тот снова и снова вырубается. В конце концов он увидел лишь картинку пустого аккумулятора и маленькую иконку со шнуром. Телефон умер. И *он* тоже умер. Бен вернулся в свое укрытие за деревом и колотил по земле до тех пор, пока не свалился от усталости и не отключился.

Проснулся он довольно скоро. Вокруг по-прежнему царилась ночь. Оставшись без телефона, он понятия не имел, который час, но почувствовал, что где-то рядом горит огонь. Кто-то его зажег. Развел костер. И тут...

Кто-то играл на гитаре. Рядом с костром. Прямо там. Он слышал, как бренчат на струнах. *А если это собакомордые? А если они нашли меня и просто со мной играют?* Они скальпируют его лицо, отрежут ноги, оттащат в свое логово в лесу и сотворят с ним то же, что и с остальными безногими трупами. Его разрежут на куски, расчленят, возможно, сожрут. Теперь ему от них не ускользнуть. Слишком уж он ослаб.

И тут он услышал, как хихикнула женщина. *Женщина*. Это женщина играла.

Он осторожно выглянул из-за дерева и увидел белокурую девушку, сидевшую, скрестив ноги, на одеяле рядом с костром, прижав к животу старую акустическую гитару. На ней был флисовый свитер, тренировочные штаны и удобные туристские ботинки. Вокруг валялись пустые банки из-под пива и винные бутылки. Лицо ее покраснело от веселого опьянения.

Бен подбежал к ней.

– Вы должны мне помочь!

– Все нормально? – спросила она.

– Нет! Нет, кто-то... – Он тотчас же забыл, что хотел сказать. Бен узнал эту девушку. Это была Энни Дерриксон. Из колледжа. Она ни на день не состарилась. В буквальном смысле. Ей по-прежнему было двадцать два года. И у нее были все те же выгоревшие белесые волосы, вздернутый носик и гладкая, молочно-белая кожа в веснушках, которую Бену так хотелось погладить.

– Энни?

– Бен? Почему ты здесь?

Я приехал сюда на деловой ужин, а потом заблудился в лесу, за мной гнались двое с ножами, мне так хочется домой, к семье, пожалуйста, помоги. Именно это он и приготовился сказать, но память у него быстро стиралась. Он пытался удержать воспоминания, пока они не исчезли совсем, но без толку. *Деловой ужин? Не было никакого ужина. Заблудился? Ты не заблудился. Жена и дети? Нет у тебя ни жены, ни детей. Работа? Нет у тебя работы. Гнались двое с ножами? Никто за тобой не гнался. Не дури.*

Бен посмотрел на коленку. Шрамы от операции на связках? Исчезли. Кожа сделалась более мягкой и гладкой. На руке больше не было обручального кольца. *А с чего ему там взяться? Тебе двадцать два года. Ты не устал. Ты не заблудился. Ничего такого не происходит. Ты именно там, где тебе хочется быть, Бен. Или нет? Наедине с ней?*

– Пива хочешь? – спросила она.

– Да. Да, очень.

Энни перестала играть и потянулась за нагретой банкой дешевого пива. Бен выхлебал его чуть ли не одним глотком. Плохого пива не бывает.

– Почему ты здесь? – спросил он, подавив отрыжку.

– Была вечеринка.

– Какая вечеринка?

– Да просто вечеринка!

– А где мы?

– В лесу, дурачок! – показала она на деревья.

– Но...

– Моя любимая часть вечеринки – это тогда, когда она заканчивается. Когда я больше не обязана веселиться, а могу просто посидеть и потрепаться с теми, кто остался на треп, понимаешь?

– Безусловно, – по-дурацки кивнул он.

В последний раз ты видел ее, когда она училась на выпускном курсе, так ведь? На курс старше тебя. Помнишь, как хорошо она к тебе относилась? Куда лучше остальных девчонок. И бойфренд у нее был, помнишь? Дэйв. Нормальный парень, вот только у него был доступ к телу, а у тебя нет. А потом, за неделю до выпуска, она послала этого бойфренда. Помнишь тот вечер? Она была тогда на вечеринке, без кавалера, свободная. Тем вечером ты стоял рядом с ней, а музыка гремела из окон общежития, и она обхватила рукой твою ладонь. Ты никогда не ожидал, что она сделает первый шаг. Ты и подумать не мог, что случится такая классная штука, так, Бен? И ты никак не ожидал, что так облажаешься в тот самый момент. Ты едва на ногах стоял. Вот ничего и не произошло. Когда ты проснулся на следующее утро, тебе пришлось вернуться домой, а она осталась на выпускную церемонию. Не так уж давно это было. Ты ведь помнишь ее руку? А возьми-ка ее за руку сейчас, слабо? Не хочешь попробовать узнать, что такое второй шанс, парень?

Он взял Энни за руку. Она игриво ответила пожатием в знак того, что ей это нравится. На руке она носила браслет-фенечку, и его пушистые хвостики-завязки щекотали Бену запястье.

– Я с тобой облажался? – спросил он ее.

– Ты это о чем?

– В тот вечер ты взяла меня за руку, а я даже не шелохнулся. По-моему, я тогда облажался.

– Ой, я куда хуже лажалась. Зашла я как-то в бар, увидела там классного парня, двинулась вытащить его на танцпол, а не усекла, что у него нога в гипсе. Тащила его метра три, только тогда отпустила.

– Да ладно врать-то.

– Честное слово.

– А где ты теперь живешь? У тебя есть работа или что-то типа?

– Нет, я так, тусуюсь.

– Классно.

«Классно»? Это все, до чего ты додумался, идиот? Заткнись, пока снова не облажался.

Бена вдруг бросило в жар от близости к ней и к огню, но это тепло восхитительно согревало, как жар тела, который никогда не надоедает. Это как плюхнуться на пуховую перину, лежать на которой с каждой минутой мягче, теплее и приятнее.

– Как ты сюда попала? – спросил он у нее.

– По тропе.

Недолгое молчание. Он только и смог выдавить:

– Как жаль, что я тогда облажался.

Как банально. Ребята всегда слишком быстро становятся серьезными и так это и понимают, а потом уже слишком поздно.

Но теперь все шло хорошо. Энни не испугалась.

– Ничего ты не облажался, – сказала она ему. – Иногда что-то такое ускользает от тебя, и все. Это не значит, что я от тебя сбежала. Это не значит, что ты мне не нравишься, Бен.

Энни положила гитару на землю рядом с собой и улыбнулась ему. В отблесках огня она выглядела просто потрясающе. Он нагнулся и поцеловал ее. И, черт подери, целоваться она умела. Мягко и тепло, прямо как секс. Ему не хотелось останавливаться. Она обвила его шею флисовыми рукавами, и они вдвоем медленно улеглись на землю. Руки его гуляли по ее телу. Он хотел прикоснуться каждой клеточкой своего тела к каждой клеточке ее тела.

– Пошли в палатку, – прошептала Энни, встала и повела его к пологам. Лучшее в сексе с девушкой – это когда она ведет тебя к нему. Бену хотелось, чтобы его целую вечность вели к спальне за миллион километров отсюда. Это все были забавы молодости.

* * *

Через несколько часов он проснулся в палатке. Энни исчезла. Бен остался один, прикрытый куцом красным одеяльцем, которое он нашел. Он быстро взглянул на коленку и увидел шрамы. Тридцать восемь лет. Тереза. Дети. Собакомордые. Они рядом. Они вернулись. Это был сон, но казалось, что вовсе не сон. Он отчетливо помнил, как Энни вела его в палатку и делала с ним все, что он от нее хотел. Он помнил, как сжимал руками ее мягкие бедра, а она покачивалась сверху, обнаженная, солнечная и смеющаяся. За тем он туда и пришел. И от этого его затошнило.

Бен оделся и отдернул полог. Костер погас. За кострищем он разглядел гитару и пустые пивные банки с винными бутылками. Они так и остались там лежать.

Какого хрена?

Из леса он так и не вышел, да к тому же еще и неверным мужем сделался. В желудке у него булькнула желчь. Он сунул вяленое мясо, хот-доги, бутылки с водой и одеяло в рюкзак, который все еще казался очень легким, и выбежал из палатки, чтобы подобрать пивные банки и пощупать их, убедиться, что это реальные, осязаемые предметы. На гитаре лежал маленький конверт с изящно написанным его именем. Он торопливо открыл его и обнаружил внутри небольшую карточку, на которой тем же почерком было написано:

НЕ СХОДИ С ТРОПЫ, ИНАЧЕ ПОГИБНЕШЬ.

Чуть сбоку он заметил два лежащих под деревьями черных бугорка. Вокруг них жужжали мухи. Ему понадобилась всего пара шагов, чтобы понять, на что он смотрит: два мертвых черных ротвейлера. Шкура с их голов и морд была аккуратно снята.

Глава пятая. Кортшир

Мухи выели собачьи глаза, так что Бен увидел лишь слой белого подкожного жира. Вот теперь-то его точно стошнит. *Да, пора блевануть.* Он отвернулся от собачьих трупов и вывалил наружу свой давешний ужин из картофельных хлебцев.

Может, если я тресну себя камнем по башке... если выбью эту дурь из головы, то проснусь где-нибудь привязанным к каталке, и все окажется ужасно, но хотя бы реально и логично. Вместо этого Бен завернулся в одеяло, натянул заскорузлые носки и кроссовки, закинул на плечо рюкзак и как можно быстрее выбежал с бивака.

Оказавшись на тропе, он закричал. Или попытался закричать. От голоса остался лишь натужный хрип.

– Помогите! КТО-НИБУДЬ! Тереза? Ребята?

Он оторвал кусок вяленого мяса и принялся жевать его на бегу, пока вдали у самой тропы не заметил дом. Тот выглядел вполне реально. Бревенчатое строение с весело вырывавшимися из трубы клубами дыма. *Дом!* Бен припустил так, что едва успевал жевать. У дома стоял невысокий деревянный забор, ограждавший лужайку с пышной зеленой травой и сад с рядами мелких цветов (это в ноябре-то?), кустами крыжовника и грядками с налитыми зрелыми помидорами. Может, это ловушка. Может, там ведьма живет. Какая разница. Бен добежал до массивной дубовой двери и забарабанил в нее что было сил, совсем не думая, что может напугать обитателей домика.

Дверь распахнулась, и на пороге он увидел невысокую старушку с коротко подстриженными волосами, в длинной юбке из плотной ткани и белой кофточке с накинута поверх красной шалью. Из-под подола виднелись грубые деревянные башмаки. Она показалась Бену знакомой, хотя он никак не мог вспомнить имя женщины.

– Прошу вас, мэм, мне нужна помощь! – взмолился Бен.

– Кто вы, милый мой? – спросила она с британским акцентом.

– Меня зовут Бен, я заблудился, какие-то двое пытались меня убить, и они еще где-то рядом. Мне нужно позвонить с вашего телефона.

– С телефона?

– Ну да, с сотового телефона. Или с проводного, если он у вас есть.

– С проводного?

Вот черт, я вроде как до меннонитов добежал.

– Телефон! У вас есть телефон? Вы знаете кого-нибудь из соседей, у кого есть телефон?

Кто-нибудь рядом тут живет? Есть тут город поближе?

– О, город стоит за много километров дальше по тропе.

– И что это за город?

– Кортшир.

– Что за Кортшир?

Вопрос совершенно сбил ее с толку.

– Это... Это Кортшир! Город!

– Я по-прежнему в Пенсильвании?

– В Пенсильвании?

С тем же успехом он мог бы говорить по-японски. С каждой ее фразой ситуация становилась *все более* неясной.

– В городе есть хоть кто-то, кто смог бы мне помочь? Полицейский? Врач?

– Да, там вы найдете помощь. Мне не нравится слышать о разгуливающих на свободе убийцах и ворах. Я помогу вам добраться до Кортшира.

– Господи, спасибо вам. Спасибо вам огромное. У вас есть машина?

– Машина?

– Хорошо, лошадь или что-то вроде.

– О-хо-хо! Нет, боюсь, я слишком бедна, чтобы позволить себе держать лошадь, но я все-таки помогу вам добраться до Кортшира. Но сперва вам нужно прополоть мне огород.

– Что?

– Я уже стара и слаба, а вы вроде как достойный и крепкий молодой человек. Прополите сорняки перед домом, и я соберу вас в Кортшир.

– По-моему, вы не совсем понимаете. Я в смертельной опасности. И *вы* тоже в смертельной опасности. Нам надо отправиться в Кортшир.

– Прямо сейчас? О нет, я никуда не собираюсь двигаться.

Он схватил ее за плечи.

– Вы должны отправиться со мной!

– Прошу, подальше руки, молодой человек.

Он отступил на шаг.

– Извините. Я человек не вспыльчивый, но те двое убили маленькую девочку. Это случилось совсем недалеко отсюда. И еще они двух собак убили. Могу вам трупы показать.

– Можете отправляться куда вам заблагорассудится, но мне покойнее всего здесь, у себя дома. Если вы хотите, чтобы я помогла вам добраться куда нужно, прополтите мне огород.

В знак уговора она протянула ему руку. *Вся вселенная, что ли, спятила?* Однако других предложений не поступило. Он пожал протянутую ладошку.

– Сорняки здесь мелкие, но крепкие, – предупредила его старушка. – Если управитесь к полудню, я обязательно хорошенько вас покормлю на дорогу.

Она хлопнула дверью, и Бен оглядел «фронт работ», которого ему с лихвой хватит на все утро. Между грядками с помидорами виднелась стелющаяся травка, похожая на пауков, расплзающихся вширь. Он опустился на колени, и его правая коленка – прооперированная – буквально вспыхнула болью. Он на мгновение скорчился, после чего ткнул рукой в землю, на удивление теплую для этого времени года. Он думал, что с легкостью вырвет сорняки, но когда потянул, корень остался крепко сидеть в земле. Он схватился за основание ростка, но добился лишь того, что выдрал сам росток, оставив маленький торчащий кончик. Единственное, как можно было вырвать весь сорняк – это обхватить комок земли вокруг него и дернуть на себя. Первый сорняк поддался, но тонкие, тягучие корни уходили вниз на полметра, потом на метр, затем на два и на три. Создавалось впечатление, что вытягиваешь рыбацкую сеть. Корни казались бесконечными. Когда он закончил с первым сорняком, на земле лежал закрутившийся корень длиной с добрый садовый шланг. Вдоль грядки виднелись сотни сорняков, которые предстояло выполоть. Вот так наказание!

Через час он сбросил одеяло, а пот ручьями заливал глаза. Он бы все отдал за смену белья и чистую одежду. Висевший прямо перед глазами спелый ярко-красный помидор неудержимо манил к себе. Он сорвал его и съел, как персик. По подбородку стекал сок вперемешку с семечками. Это был самый вкусный помидор на свете. Распахнулась дубовая дверь.

– С ГРЯДОК НЕ ЕСТЬ!

– Хорошо! Ладно!

– Сделать вам чаю, милый мой?

– А можно со льдом?

– Со льдом? Где же я вам лед возьму?

– Тогда просто чай.

Солнце отсчитывало секунды и минуты, огибая лес по небосклону, пока он вкалывал, время от времени отрываясь от колдовского сада и поглядывая через забор в поисках собакомордых. Они все еще где-то рядом. Может, продолжают охотиться за ним.

Наконец он расправился с последним докучливым сорняком и свалил их в компостную кучу за забором. Теперь огород просто преобразился, и дверь дома снова распахнулась. Старушка стояла рядом с Беном, скрестив руки на животе. Она была в восторге.

– Просто восхитительно. Давно я такой красоты не видела! – Она тронула его за руку. – Идемте в дом. Я вам кое-что приготовила.

Она провела его в домик всего с одной комнатой. В углу помещалась дровяная печка, а напротив нее – кровать с набитым сеном матрасом. По центру стоял массивный деревянный стол, уставленный свежими пирогами, вареньем, еще источавшими пар горячими каравалями душистого хлеба с хрустящей корочкой и большими кусками твердого сыра, похожими на утесы. Посреди стола красовалась подставка с чугуном, в котором исходила ароматными пузырьками тушеная говядина. Старушка подошла к столу и налила ему чашку чая.

– Садитесь, покушайте.

Он уселся и набросился на еду. Appetit у него разыгрался так, что он хватал все без разбора: немного говядины, потом хлеба, затем кусочек пирога, еще говядины, добрый кусок сыра и глоток чая. Даже если пища отравлена, а старушка только и ждала, чтобы скальпировать его и снять кожу у него с лица, все было очень реально и восхитительно вкусно. Не прошло и пяти минут, как он наелся до отвала.

– И как вам стол?

– Чудесно. Спасибо, мэм. – Он посмотрел на нее чуть дольше, чем допускали приличия. –

А я вас знаю? – спросил он.

– Ну теперь знаете!

– Нет, в смысле раньше. Мы не встречались?

– О, очень сомневаюсь. Так вот, я не забыла о своем обещании. – Старушка достала из кармана фартука небольшой мешочек и толкнула его к Бену. Он заглянул в него и увидел три твердых коричневых семечка. – Вы хороший, работающий юноша и нынче прекрасно потрудились, – продолжила она. – Эти семечки помогут вам добраться до Кортшира.

Он едва не взвился от злости.

– Это как?

– Первое, которое вы бросите на землю, станет железной башней. Второе – волком. А третье – стеной пламени.

– Вы что, шутки со мной шутите? Я пять часов оттрубил в вашем дурацком саду.

– Возьмите семечки. Но прошу вас, запомните: они прорастут только в тот самый момент, когда вам это нужно.

Бен с трудом сдержался, чтобы не придушить ее. Он сжал свою ярость, как пружину, и задвинул ее в как можно более глухие уголки сознания. Он очень надеялся, что его слегка съехавшие с катушек мозги подавали ему сигналы, указывая путь спасения от безумия.

Он схватил семечки, в душе пылая от злости на старую каргу.

– Засветло вы до Кортшира не доберетесь, – сказала она. – Возьмите с собой еду. Вашего размера у меня одежды нет, но хорошенько накормить я вас смогу. – Она наполнила фарфоровые короба тушеной говядиной и вареньем, потом сняла у него с плеча рюкзак, сунула коробка внутрь вместе с несколькими увесистыми ломтями хлеба и кусками сыра. Она положила еще и нож для сыра. И снова все уместилось. Когда она вернула ему рюкзак, на ощупь он казался почти пустым.

– Вы и вправду со мной не пойдете? – спросил он.

– Я же сказала, что помогу вам добраться до Кортшира, что и делаю. В этом я уверена.

– Где я? Ну скажите мне, прошу вас. Что со мной творится?

Она промолчала и вместо ответа поманила его к двери. Потом распахнула ее. Тропа уже ждала его.

– Скажите хоть, как вас зовут, – взмолился он.

– Миссис Блэкуэлл.

– А где мистер Блэкуэлл?

– Ушел, – ответила она, скорбно глядя на дорогу. – Он сошел с тропы. – Вот и все, что она нашлась сказать.

– Прямо неразбериха какая-то.

– Никогда не сходите с тропы, – обратилась она к нему.

– Это мне уже говорили.

– И совершенно правильно говорили.

– Кто же вы все-таки? Я вас знаю?

Она промолчала. Он вышел за дверь, пересек сад, дошагал до усыпанной листьями тропы и увидел, как миссис Блэкуэлл закрыла за собой дверь.

Глава шестая. Желтый свет

Настала ночь, и холод снова начал пробираться Бена до костей, даже кончики пальцев заныли. Казалось, теперь он мог бы передавать холод другим. Бен обхватил себя за плечи и вздрогнул, труся по тропе, которая, похоже, никогда никуда не сворачивала. Просто тянулась в ничто. Тропа представляла собой дыру, и чем дальше он шел, тем глубже падал, делая невозможной любую попытку хоть *когда-нибудь* выбраться отсюда. Он попытался согреться, думая о Терезе и детях, но все это отдавало каким-то горько-сладким привкусом его мимолетной связи с Энни, которую он никогда не сможет объяснить более-менее правдоподобно.

Собакомордые исчезли, но он продолжал ощущать их скрытую угрозу, похожую на стойкий запах. Угрозу недооценивали. Как-то раз, когда он возвращался из командировки, в аэропорту к нему начал приставать какой-то пассажир. Он обвинял Бена в том, что тот втерся в очередь впереди него, что было полным враньем. Дело едва не дошло до потасовки, прежде чем Бен уступил.

Когда он поднялся на борт самолета, тот мужчина сидел напротив него через проход. И весь полет таранился на Бена. Плотноядно пялился, словно Бен какая-то закуска. Бен четыре часа чувствовал угрозу. Когда они приземлились, мужчина следовал за ним по пятам в переходе-рукаве, по терминалу и всю дорогу к парковке. Был час ночи. В такое время парковка представляется идеальным местом преступления. Бен быстро шагнул к своей машине, а мужчина не отставал – в облегающей черной рубашке и в очках агрессивного вида типа «мачо». Теперь они остались один на один, и Бен не выдержал:

– Какого хрена вам от меня нужно?

Мужчина резким ударом правой треснул Бена по лицу, отчего разошелся шрам.

– На, запомни, – прошипел мужчина и пошел прочь. Ему понадобился всего один удар, чтобы вселить в Бена непреходящую угрозу. После того случая, когда бы Бен ни парковался или ни ездил в аэропорт, он ощущал ее. Угроза может вот так на тебя подействовать. Угроза может поглотить тебя.

Солнце скрылось за деревьями, и холод овладел всем его существом, словно взяв в заложники и вытеснив все мысли об утехах в палатке и о жутком старухином огороде. *Господи, как холодно-то. Где же город? Где же этот проклятый город?*

Где-то вдалеке справа Бен заметил реющий над землей неяркий свет. Был он желтого цвета и явно искусственный, вроде фонаря на парковке. Похоже, там современная цивилизация, а не сказочная страна меннонитов, куда он явно забрел. Бен прибавил шагу, энергично работая руками, чтобы согреться, и надеясь, что тропа выведет его к свету.

Но дурацкая тропа все тянулась прямо, и он видел, как свет движется сбоку от него, а потом оказывается позади, словно луна, когда едешь ночью. Впереди простиралась лишь тьма.

Не сходи с тропы. Так говорилось в записке. То же самое сказала миссис Блэкуэлл. Его предупредили. Но теперь в этом желтом свете открылась цель, к которой он мог устремиться. Одна мысль о том, чтобы упустить такой шанс, просто убивала его. *Зачем слушать эту старуху? Она же твердила тебе о волшебных семечках, во как! А город, о котором она распространялась, может, и вовсе не существует.* Свет – вот все, что у него было. Он сошел с тропы и зашагал к нему, достав ломоть хлеба и отщипывая от него мелкие кусочки, помечал за собой дорогу, чтобы потом снова выйти на тропу, если понадобится. И примерно через каждые десять метров складывал камни в кучки.

Подлесок практически исчез. Ни торчащих, переплетенных корней. Ни булыжников, на которые можно налететь. Все сделалось плоским и очень даже проходимым. Свет сиял дальше, чем показалось в самом начале, словно плывешь далеко в океане, и целая вечность требуется,

чтобы достичь берега, до которого вроде бы рукой подать. И все же он продолжал шагать вперед.

Тереза, наверное, уже в истерике.

Свет не становился ближе, и Бена начало одолевать чувство, что миссис Блэкуэлл знала, о чем говорила. Сбоку послышалось громкое всхрипывание. Вот он, ужас-то – во всей своей полноте.

Еще пара шагов – и он увидел прямо перед собой смутные очертания: двое людей, силуэты которых в свете луны оттенялись по бокам короткими, чуть обвислыми собачьими ушами. Желтый свет оказался лишь приманкой. Бен резко развернулся и помчался назад по тропке, помеченной кусочками хлеба.

– ОТВАЛИТЕ ОТ МЕНЯ, МАТЬ ВАШУ!

Позади слышался топот ног и становившийся все громче смех. Преследователи издавали утробные звуки, словно из глубины колодца. В пляшущих отблесках лунного света Бен едва разбирал цепочку из брошенных на землю кусочков хлеба, но пристально смотрел под ноги и ни разу не оглянулся. Он заметил кучки камней и облегченно вздохнул: хоть что-то в этом мире осталось на своих местах.

– *Мы сдерем с тебя рожу и покажем ее тебе, прежде чем самого прикончим.*

Бен снова принялся бессмысленно кричать. Когда он добежал до тропы, голосовые связки у него саднили и горели от холодного воздуха, словно он гвоздей наглотался. Тропа напрямиком, как всегда, уходила вдаль, а преследователи шли за ним по пятам. Бену почти *хотелось*, чтобы они его настигли. *Может, тогда-то все и прекратится.* Чуть впереди тропа заканчивалась. Широкий проем между деревьями сменится глухой стеной леса. Нет никакого города. Спасать его некому. Как только он добежит до конца тропы, все это станет предельно ясно.

Разве что... Ведь у него оставался мешочек с семечками.

Бен сорвал рюкзак с плеча и залез в передний кармашек за небольшим кожаным мешочком. *Первое, которое вы бросите на землю, станет железной башней. Второе – волком. А третье – стеной пламени.* И какое из них что делало? На них же не было написано «ВОЛК» или что-то типа этого. Имела ли значение очередность?

Он наугад выхватил из мешочка твердое семечко и швырнул его вперед. Через три шага он с разбегу налетел на деревянную дверь остроконечной железной башни, взмывавшей вверх метров на тридцать и возвышавшейся над лесом, словно часовой.

– Чтоб я...

Бен слышал, что собакомордые вот-вот настигнут его, поэтому распахнул дверь в башню и с треском захлопнул ее. Небольшое внутреннее пространство освещали зажженные факелы, а дверь сверху донизу унизывали всевозможные запоры: петли, щеколды, цепи и ручки. Он успел их все затворить, когда собакомордые добежали до двери и принялись колотить в нее. Этот лихорадочный перестук долбил его по черепу, вызывая тошноту. В дверь бухали так, словно собирались прогрызть себе путь, так что он попятился назад, наткнувшись на маленькую каменную ступеньку. Справа виднелась *вторая* дверь, которая вела... Но он уже бросил гадать, что куда вело. За его спиной ступеньки завивались все выше и выше. Он получит преимущество в обзоре над собакомордыми, но также сможет попасть на самом верху в ловушку, если им удастся высадить дверь.

Буханье в дверь не прекращалось. Казалось, с каждой минутой убийцы становились все сильнее. Бен увидел, как сквозь массивную дверь просунулось длинное лезвие ножа. Оно крутилось и изгибалось: собакомордые пытались расщепить дубовые доски. Они не остановятся. Они просто так не отступят. Он – их добыча. Они созданы, чтобы убить его.

Он рванул вверх, прыгая через три ступеньки, лишь однажды остановившись перевести дух, потому что проскочил все пороги физических нагрузок за всю свою жизнь. Он буквально загонял себя до смерти. Через несколько минут Бен наконец добрался до самого верха, чув-

ствую себя выжатым до предела туристом. Верхние ступеньки лестницы выходили на смотровую площадку, откуда открывался вид на лес во всех направлениях: сплошные заросли деревьев и пологие холмы. Никаких желтых огней. Никаких дорог. Никаких городов. Он перегнулся через каменный парапет и увидел двоих неподвижно стоявших собакомордых, пристально глядевших на него.

– Что вам нужно? – спросил он их с вершины башни. Они не ответили. – Я ничего не сделал! Я хочу домой, к семье! И все!

– *Мы тебя убьем.*

– Может, все-таки поговорим?

– *Мы тебя убьем.*

Бен отшатнулся к стене и дрожащими пальцами залез в мешочек. Он выронил семечко и глядел, как оно упало, подпрыгнуло, отскочив от парапета, и тяжело рухнуло на холодную землю.

И тотчас же на Бена уставились два красных волчьих глаза.

Волк бросился на убийц и принялся рвать их на части, не спеша настигая собакомордых, сбивая их с ног и выгрызая кишки. Собакомордые ревели предсмертными криками, и Бен бессильно сполз вниз за парапетом и зажал уши руками. Он не мог вынести этого воя. Тело его обмякло, и он растянулся на смотровой площадке, рыдая от горя, пока волк внизу расправлялся с чудовищами.

Когда вой наконец стих, Бен взглянул вниз и увидел, как волк тарашится на *него*. Жутко голодными глазами. Зверь начал скрестись в дверь, а потом бросаться на нее, намереваясь довершить то, что начали собакомордые. *Как жаль, что дверь не железная. Грубый просчет строителей.* Волк скрежетал зубами и выл. Как и собакомордые, он обладал неким мистическим даром никогда не уставать.

– Волк!

Тот замер, поглядел на него, а потом продолжил рваться внутрь.

– Ты говорить умеешь, волк? – В данном случае вопрос представлялся вполне резонным. Однако нет, говорить тот не умел. Волк мог лишь остервенело бросаться на дверь. Бен сбежал вниз по винтовой лестнице и глянул на входную дверь. *А третье – стеной пламени.* Бен достал третье семечко и с силой швырнул его оземь прямо напротив двери. Но ничего не произошло. Оно так и осталось семечком.

Он поднял его с пола и повернулся ко второй двери. Вот *она* оказалась железной. Через нее волк не прорвется. Конечно, кто знает, что там за этой дверью: еще один волк, еще один собакомордый или Страна Оз.

Бен повернул массивную ручку железной двери, глянул в крошечную темноту, сделал шаг вперед и тут же провалился в бездонную дыру.

Глава седьмая. Берег

Во время падения он заснул. На самом деле – вырубился от ужаса. Пока летел, он кричал и звал Терезу и детей, а потом отключился. Без всяких снов.

Когда Бен проснулся, он лежал на берегу. Одна щека прижималась к прохладному песку, и крохотные песчинки забились в уголок рта. Оттуда вытекло немного слюны, которая на песке казалась крохотной медузой. Метрах в двадцати от него о берег бились волны, а небо было покрыто тоненьким маревом слоистых облаков – вроде тех, что раздражают, когда хочется целый день позагорать под палящим солнцем. За спиной у Бена тусклое солнце светило сквозь сплошную завесу туч. Несколько пологих, поросших травой дюн служили прикрытием стоявшим в ряд домам.

Дома.

Он поднялся и оглядел их. Прямо перед ним параллельно берегу шли две длинные линии, которые, насколько хватало глаз, простирались прямо и к домам не сворачивали. *Тропа? Тропа. Да ну ее, эту тропу. Там же настоящие дома.*

Жесткая, острая трава стегала его по лодыжкам, когда он несся к ближайшему от места своего падения дому. Тот был с синими стенами и белами ставнями и стоял на сваях, защищавших его от приливных волн. Бен замахал руками и принялся заглядывать в окна.

– Эй! Эй! Поможет кто-нибудь?

Подбежав поближе к дому, он увидел за ним разбитую грунтовую дорогу, шедшую вдоль ряда соседних строений. По ту сторону дороги плескалось море. Никакой земли дальше не просматривалось. Он оказался на широкой песчаной отмели. Рядом с домами не было столбов с проводами. Ни с телефонными, ни с электрическими. Ни машин. Ни велосипедов. Ни фургонов. Вообще никакого транспорта. И никаких людей. Он уже начал привыкать к разочарованиям. По расшатанным дощатым ступенькам он поднялся к входной двери синего дома (выходившего окнами на другую сторону от первой линии океана, попавшейся ему) и принялся яростно колотить в дверь.

Никто не отозвался. Он осторожно повернул ручку, и дверь легко открылась. Это был летний домик со спартанской обстановкой, предназначенный для жилья месяца два с половиной в году. Здесь имелась небольшая кухня с древними приспособлениями, но без какой-либо посуды или утвари. Из кухни открывался вход в гостиную с симпатичными старомодными шезлонгами и диваном, обтянутым потрескавшейся искусственной кожей. Бен осмотрел стены в поисках электрических и телефонных розеток, но ничего не увидел. Наверху он обнаружил три спальни с пустыми ящиками в шкафах и голыми матрасами. Он забежал в ванную, открыл кран, но ни капли не вытекло.

– Эй?

Шкафчики оказались пусты. Переходя от окна к окну, он заметил, что соседние дома тоже не дают признаков жизни. Он включил телефон в надежде, что тот хоть ненадолго оживет и поймает сигнал. Если какое-то время подержать телефон выключенным, иногда аккумулятор чуть восстанавливался, чтобы ты как раз успел снова вызвериться на аппарат. Но на этот раз он даже не продвинулся дальше заставки с приветствием. Бен снова спрятал его в карман. Теперь вся его жизнь сводилась к доставанию и убиранию телефона.

Пройдя по отмели, он встретил во всех домах одно и то же запустение: ни людей, ни средств связи, ни еды в холодильниках, ни воды. Какой-то курорт-призрак. Ловушка вроде желтого света в лесу. Все признаки жизни представляли собой приманки, чтобы увести его в сторону от тропы.

И тут море начало волноваться. Запенились взбитые ветром белые барашки, и с крыльца красного трехэтажного псевдовикторианского дома он увидел, как на горизонте поднимается

огромная волна – выше любого здания, куда ему доводилось заходить. Чайки в панике разлетались прочь с ее гребня, но вода захватывала птиц, подкатывая все ближе к берегу, заглушая их крики ревом надвигающегося бедствия.

Он ринулся вниз с крыльца сквозь кусачую траву на гребне дюны, пока не добежал до параллельных линий на песке, очевидно, начертанных для него неким жестоким божеством. Надвигалось цунами, готовое поглотить отмель. Бен залез рукой в мешочек и достал оттуда последнее семечко. Он швырнул его на мокрый песок как раз в тот момент, когда волна накатывалась на берег, собираясь обрушиться на него.

Огонь мгновенно объял весь берег, вздымаясь за слой облаков в стратосферу: стена пламени, бесконечная в ширину и в высоту. Бен рухнул на землю – горячий песок жег его, словно запекая двустворчатого моллюска. Он слышал, как огонь встал на пути волны, с громким шипением окутав все у него над головой клубами пара.

Вскоре стена пламени схлынула, и океан вновь обрел прежнее спокойствие, нежно лаская волнами берег. Клубы пара поднялись вверх и растаяли в воздухе, словно призрак цунами, – такие же зыбкие и полупрозрачные, как облачка у него над головой. Это последнее ему предупреждение. Спасительных семечек не осталось. Больше с тропы сходить нельзя. Он сел на песок, обхватил колени руками и опять начал плакать. Истерика накатывала, отступала и сейчас вновь поглотила его. Бен принялся негромким и хриплым голосом без устали повторять: «Я скучаю», – надеясь, что эти два слова, как сигнал, пронесутся сквозь атмосферу и долетят до его дома.

– Мне плохо, мне плохо без вас. Кто-нибудь... пожалуйста, кто-нибудь, помогите.

Но никто не отзывался. Тогда Бен вскочил на ноги и крикнул в небо:

– ЧТО ТЕБЕ ОТ МЕНЯ НУЖНО?! КАКОГО ЧЕРТА?

Сил у него хватило только на это. Все свелось к вопросительным возгласам и обычной ругани. Не было ничего на этом берегу, не было никого в домах, не с кем было поговорить. Царившие вокруг неподвижность и безмолвие делали это совершенно очевидным.

Впереди он заметил небольшой изгиб параллельных линий, так что направился туда. И снова все казалось гораздо ближе, чем на самом деле. От всей этой великолепной видимости у него разболелись ноги. Прослойка между кожей и костями стерлась напрочь. Он походил на подушку, которую разорвали, а потом вытрясли из нее все перья.

Подойдя почти вплотную к извиwu тропы, он заметил рядом с одним из домов-призраков выцветший рекламный щит:

ДОМА В КОРТШИРЕ! НОВОСТРОЙКИ ВСЕГО ОТ 350 ТЫС. ДОЛЛ.!

Это и есть Кортшир. Нет ничего в этом Кортшире.

Вот дура старая.

Кроссовки мешали невыносимо: промокшие, пропотевшие, провонявшие от всей этой беготни, погонь и бросаний волшебных семечек. Они вовсе не предназначались для такой бурной физической активности и расползались, как выброшенная со стоянки подержанных автомобилей старая крышка. Он скинул их и стянул носки, задубевшие и побуревшие (как могло столько грязи собраться на их *нижней* поверхности внутри кроссовок?). Потом зарылся ногами в песок и поерзал ими. Высохшая травинка уколола ступню, как иглой. *Чертова трава. Чертова тропа. Чертово все на свете.*

Километра через полтора тропа наконец вильнула чуть влево, ведя еще к одному летнему дому-призраку, на этот раз выше остальных. *Может, там найдется новая обувка.* Бен бросил кроссовки и носки на песок, затем свернул и босиком взбежал по присыпанным песком ступенькам крыльца. Шедшие по берегу параллельные линии расходились, словно открытый рот, давая-таки ему разрешение спокойно обследовать владение. Дом оказался незапертым. Бежавшие из Кортшира люди – если люди *вообще* здесь когда-то жили, – наверное, очень торопились.

И снова пустые гостиная и кухня. Краны – мертвые. Ящики – пустые. Он обыскал дом в надежде найти хоть какие-то припасы, чистые носки или обувь, но без толку. Рядом с панорамным окном во всю стену, выходящим на море, стоял небольшой приставной столик с большой вазой. Ваза была пуста. Бен схватил ее и швырнул в окно. Если он не может ни с кем поговорить, то найдет другой, более мощный способ самовыражения. Он срывал со шкафов дверцы и бросал их на пол. Из туалетного бачка в ванной отходили трубы, и он вырвал их из стены. Он разбил все, что можно было разбить. Кто это увидит? Кому какое дело? Потом Бен поднялся наверх и вырвал все столбики кроватей из каркасов, успокаивая объятую ужасом душу хрустом и треском ломаемого дерева. Когда все кончилось и разбивать было нечего, он сел, пожевал немного хлеба из рюкзака и отключился, лежа на бревенчатом полу.

Минут через двадцать он чуть приоткрыл веки и заметил лестницу, ведущую на третий этаж. Это был единственный дом из всех, где имелась надстройка, и тропа привела его именно сюда. Конечно, все это выглядело как троллинг вселенского масштаба. Бен на полном серьезе ожидал после подъема по ступенькам увидеть огромный средний палец из папье-маше в виде неприличного жеста, только его и поджидавший.

Поднимался он не торопясь, ноги у него гудели. Дома явно строили в большой спешке. Лестничные ступени у него под ногами остались неотделанными. Остальные лестницы в доме были устланы унылым желто-коричневым ковровым покрытием до второго этажа и вниз в подвал. Такой ковровый покрывал видишь в любом новом загородном доме, который подрядчик ставит за три месяца. Но эта ведущая наверх лестница представляла собой набор старых досок. В конце ее маячила хилая дверца, и Бен почувствовал, что за ней есть кто-то или что-то. Какой-то объект. Нечто, что тропа пыталась заставить его обнаружить.

Мне бы оружие какое-нибудь.

Лишенный власти вызвать к жизни волка (побольше семечек не помешало бы), он порылся в рюкзаке и нашел выданный ему миссис Блэкуэлл нож для сыра. Неважное из него оружие. Базука подошла бы куда лучше. Нож был сантиметров двадцать длиной, с ручкой из тикового дерева и изогнутой вилкой на конце. Наверное, им не очень-то удобно было резать головы сыра, не говоря уж об убийце-психопате. Бен очень надеялся, что за дверью столкнется лишь со злым кругом сыра бри.

Дверца манила его. Альтернативы не было. Тропа больше никуда не вела. Она выведет его на чердак, а потом даст дальнейшие указания. Любое отклонение от этого пути означает гибель. К тому же он должен узнать, что там за дверью, как бы ужасно это ни было. Она притягивала его, как короста, которую лучше не чесать.

Шагнув к лестнице, Бен почувствовал, как дверь подрагивает у него над головой, задвигаясь едва удерживали ее, чтобы она не распахнулась. А ступив на первую расшатанную доску, он что-то услышал.

Он слышал скребущий, царапающий звук.

Глава восьмая. Чердак

– Эй? – Ему уже изрядно надоело кричать «Эй» в пустоту.

Царапанье продолжалось.

– У меня нож! – взвизгнул он. – Но я здесь не за тем, чтобы кого-то порезать. Можно подняться?

Царапанье сделалось лихорадочным. Звуки раздавались такие, словно ребятишки долбили в дверь вилками.

И вдруг шум прекратился. *Из-за меня?* – подумал Бен. Нет. Нет, не из-за него. Что-то там за дверью перестало скрестись, потому что ему так захотелось, а вовсе не из-за белокожего парня с ножом для сыра в руке. Дома Бен мог разрядить угрожающую атмосферу. Можно много сказать молчанием и длинным шрамом. Дети называли его Папкой-Злюкой, когда он выходил из себя, и он пользовался этим, когда хотел заставить их слушаться. *Вы же не хотите иметь дело с Папкой-Злюкой, да? Так что надевайте-ка ботиночки.* Он слишком легко мог сделаться Папкой-Злюкой и ненавидел себя за это. Однако подобные ухищрения срабатывали. Папка-Злюка мог осадить их. Но это относилось к маленьким детям. И не так-то легко будет заставить трястись от страха то, что скрывалось за дверью.

Царапанье возобновилось, потом снова смолкло, затем опять появилось, то затихая, то начинаясь вновь. *Это волк. Он не достал меня в башне, и вот он здесь.* Чрезвычайно логичное заключение. Бен постарался расслышать рычание, но за дверью лишь царапались и скреблись.

Он ждал, пока охвативший его ужас чуть уляжется: такое легкое затишье иногда случается, когда накручиваешь себя перед чем-то вроде прыжка в бассейн с холодной водой. Он дождался его, сделал глубокий вдох и заковылял вверх по ступенькам, как будто тащил за собой упирающегося спутника. Затем схватился за ручку двери и повернул ее, не давая себе передумать. Потом распахнул дверь.

И сразу же пожалел об этом.

На чердаке сидел пещерный сверчок. Этот вид Бен очень хорошо знал по своему дому в Мэриленде. Жутковатые пятнистые коричневые панцири, страшные вытянутые задние ноги, шевелящиеся усики и изогнутые, как гусеницы, спинки. Они не кусаются. Они не ядовиты. Они просто прыгают. Неустанно и хаотично, без причин, просто так. Прежде чем по такому попадешь, он загоняет тебя прыжками в разные стороны: мимо тебя, за тебя, над тобой. Создавалось впечатление, словно они могли телепортироваться. Сверчки выскакивали из-за труб отопления и наводили ужас на всю семью. Они с Терезой засасывали их пылесосом, но насекомых надо было доставать с первой попытки, иначе они соображали, что за ними охотятся, и принимались скакать не переставая. При этом он *сам* подпрыгивал от страха. Как-то раз сверчок сиганул прямо на него, и он подскочил так высоко, что треснулся головой о потолок. Шишка потом неделю болела.

А пещерный сверчок перед Беном был высотой под два метра.

Он сидел в углу чердака, глядя куда-то в сторону. Позади него находился пульт управления, который Бен толком не смог разглядеть, потому что его заслонял гигантский сверчок. Бону захотелось умереть. Он повернулся и потянулся к ручке двери, но тем самым совершил чудовищную ошибку, потому что вспугнул сверчка, который подпрыгнул, ринулся на него и повалил Бена на пол.

Он чувствовал, как сверчок трется об него своим скользким брюхом. Потом тот снова подпрыгнул и треснул Бена по голове задней ногой. Бен принялся кричать, выплевывая бессвязные слова и ругаясь что было мочи, чтобы отпугнуть эту тварь и заставить себя поверить, что его голос – это его спутник, готовый прийти на помощь.

Сверчок снова прыгнул и обрушился на него. Над Беном нависли круглые черные глаза твари. Совершенно мутные и пустые. Может, пещерник хотел его убить. Или съесть. Или распороть ему живот и отложить туда яйца.

Бен сверху вниз ударил сверчка жалким ножом для сыра, но лезвие отскочило от экзоскелета, и нож сломался у самой рукоятки. Тут на Бена что-то потекло, тварь испускала ядовитую вязкую слизь, которая обволакивала Бена, постепенно обездвиживая его. Бен молотил руками воздух и визжал, а сверчок принялся подпрыгивать, колотя Бена в живот, и три раза подряд сбивал его с ног.

Бен дотянулся до рюкзака и выхватил оттуда большой ломоть хлеба, зашвырнув его как можно дальше. Сверчок жадно вцепился в добычу, а Бену не осталось ничего другого, как запрыгнуть на отвлекшуюся тварь, продолжая сжимать в правой руке лезвие ножа для сыра. Он так сильно в него вцепился, что оно впилося ему в руку, но он не чувствовал боли. Сверчок снова подскочил, ударив Бена о потолок. Бен схватился за усики жуткого насекомого, как за вожжи, и вонзил лезвие в выпученный черный глаз, рассекая хрусталик.

Из глаза брызнула белая жижа. Прыжки сверчка сделались еще яростнее. Он походил на раненого быка. Бен упал, выронив нож. Теперь он мог разобрать в прыжках некую систему. Четыре прыжка: вперед, вбок, короткий назад и снова вбок. Бен рассчитал свои ходы. Уворачиваясь от прыжков сверчка, он оказался напротив ослепшего глаза. Одним быстрым движением он врезал кулаком по глазу и по самое плечо погрузил руку в голову сверчка, беспорядочно тыча тому в мозг. Сверчок наконец остановился посреди чердака и рухнул на пол, обливая Бена белой жижой, которая мгновенно промочила одежду. Истерически вскрикивая, Бен ринулся вниз по ступенькам и вылетел на порог, лишь бы больше не видеть эту тварь.

Он спрыгнул с порога, упал на песок и орал до тех пор, пока крики не превратились в сильное хрипение.

Глава девятая. Пульт

Когда у Бена не осталось сил кричать, он начал разговаривать. Сдерживаться он больше не мог. Тереза исчезла, но он говорил с ней сквозь слезы, словно с Богом.

– Тереза, пожалуйста, помоги мне... Я так тебя люблю. Мне просто хочется домой. Тереза, прошу тебя. Господи, пожалуйста, помоги мне попасть домой.

Уголки его губ опустились вниз, а челюсть непроизвольно вздрагивала, когда он открывал рот и причитал. Все это делало его лицо похожим на древнегреческую трагическую маску.

Рука кровоточила и начала ныть. Он вытащил из рюкзака кусочек марли и перевязал рану. Повязка тотчас покраснела.

Ему придется вернуться на чердак. Что бы там ни находилось за сверчком, – это его «приз» за победу над тварью. Лучше забрать награду. Но возвращаться не хотелось. Мысль о том, чтобы снова увидеть это чудовище, повергала в ступор... Смотреть на вытекшие на пол внутренности, которые могут ожить, – а почему бы и нет? Почему теперь что-то должно иметь смысл? Почему бы этой гадине не ожить, не броситься на него и не сожрать живьем? *Подбрось-ка туда еще и собакомордых, пока не надоело, Господи. Сделай такую подлость.*

Он вспомнил, как всадил нож в глаз твари, и швырнул лезвие на песок. Оно плюхнулось в лужу рвоты. Затем Бен снова прилег и стал учащенно дышать. Когда его младшему, Питеру, был всего годик, педиатр сказал, что у малыша слишком большая голова. Врач достал сравнительные таблицы веса, роста и размеров головы – базовые кривые, которые всегда информировали, больше ли твой малыш (*Молодец, парень!*) или меньше (*Хорошо, что он не растолстеет!*) других детей. Когда врач рисовал Бену и Терезе кривую роста головки Питера, ручка заехала за край листа. Питер превосходил нормативы. Врач пояснил, что в мозгу у Питера может накапливаться жидкость. Нужно сделать сканирование головы, и если что-то обнаружится, нейрохирургу придется удалить жидкость, вскрыв череп и сломав костные пластины.

Бен отвез Питера в больницу и глядел, как нейрохирург сделал малышу успокаивающий укол и отправил его в жуткого вида МРТ-томограф, похожий на контейнер в корабле пришельцев, где хранятся тела похищенных землян. Результаты Бен с Терезой ждали две недели. Они оказались отрицательными. Операция не нужна. Вскоре тело «догонит» голову и восстановятся нужные пропорции. Сестра на другом конце провода сообщила им эту новость таким тоном, словно пиццу заказывала.

Это кошмар... Вот так, наверное, проходила бы операция у Питера. Наверное, так себя чувствуешь, когда тебе вскрывают череп, а потом ставят его на место...

– Эй!

Кто-то на берегу заговорил с ним. По голосу – человек постарше его.

– Эй, ты! – произнес голос.

– Чего-чего?

– Сюда. Я здесь, урод.

Бен приподнялся на локтях и нос к носу столкнулся с небольшим синим крабом. Тот опирался на задние ноги, устроившись прямо посередине тропы. Никаких людей позади него не было. Бен осмотрелся по сторонам, ощутив взглядом отмель. Краб был единственным живым существом, которое он увидел.

– Ты... Это краб со мной говорит? – спросил Бен?

– Да, дружище. Я краб.

– А почему ты разговариваешь?

– Не знаю. А почему *ты* разговариваешь?

Бен встал, сделал движение ногой и обсыпал краба песком.

– Эй, перестань.

– Оставь меня в покое, – произнес Бен. – Что бы там у меня в башке ни творилось, ПРЕКРАТИ.

– Тебе неплохо бы вернуться на чердак и поглядеть, что к чему.

– Это в каком смысле?

– А что тебе еще сказать? Ты меня песком обсыпал.

Тут краб закопался с глаз долой. Бен подбежал к тому месту и принялся яростно разрыть руками песок.

– Вернись, – попросил он краба.

– Да пошел ты!

Бен почувствовал острую боль в кончике пальца и с визгом выдернул руку из песка, топнув ногой по тому месту, где закопался краб.

– Я тебя... я тебя раздавлю, паршивец!

– Не выйдет, – ответил приглушенный голос краба. – Перестань, хватит уже. Ты тупишь.

– Ненавижу тебя!

– Ну и хватит тут копать. Рука тебе еще понадобится, чтобы крутить ручки.

– Какие ручки?

Ответа нет.

– КАКИЕ РУЧКИ?!

Опять молчок.

– ДА ЧТОБ ТЕБЯ!

Бен помусолил кончик пальца и резко обернулся к стоявшему на берегу дому. Он снова мысленно увидел сверчка – дергающегося, шевелящегося, заново набирающего сил, проголодавшегося. Угроза на угрозе.

– Не могу я, – сказал он крабу. – Не могу я один в дом вернуться. – Он поглядел на пятно на песке. Теперь, услышав еще один голос – доброжелательный, хотя и не очень дружелюбный, – Бен не мог вынести того, чтобы тот исчез. – Пойдешь со мной?

Ответа нет.

– Ну?

– Зачем я тебе нужен? – спросил краб.

– Мне хоть кто-то нужен. Хоть кто-нибудь, если это не галлюцинация. Извини, что я на тебя вызверился, ладно? Не могу я больше ни секунды оставаться один, иначе спячу. Я знаю, что *уже* спятил, но я уплыву в океан и больше никогда не вернусь, если хоть еще секунду придется оставаться одному.

Маленький краб выполз из песка.

– А ты меня не кинешь, если я с тобой пойду? – спросил он Бена.

– Обещаю.

– Потому что, сам знаешь, я могу тебе весь палец отхватить. Я такой сильный и проворный, а ты такой неуклюжий.

– Договорились.

Они вместе направились к дому.

– Как тебя зовут? – спросил Бен.

– Я краб. У меня нет имени.

– Ну а откуда ты родом?

– Из Айдахо, тупица. Откуда мне еще быть родом? Только из моря.

– А друзья у тебя есть?

– Нет.

– Сколько тебе лет?

– Не знаю.

– А где мы?

- Ну и вопросик! Влипли мы.
- Я дам тебе имя.
- Не надо мне имени, – ответил краб. – Пока обходился без него, и нормально.
- Фрэнк.
- Не хочу быть Фрэнком, понятно? Я краб. Хватит твоих имен, или я тебе палец на ноге

откушу.

- Ладно.
- Если назовешь меня Фрэнком, я стану звать тебя Уродом.
- Хорошо, понял. Пусть будет Краб.
- Бен остановился у раздвижных дверей, ведущих на крыльцо дома со сверчком.
- Откуда ты знаешь, что там? – спросил он у Краба.
- Я как-то раз поглядел.
- Ты когда-нибудь видел на берегу людей?
- Никогда. И никого, кроме тебя.
- А как ты узнал, что я был в доме?
- Потому что видел, как ты зашел, а потом выскочил, визжа, как ошпаренная лошадь.

Тут детективного таланта не надо.

- Если бы ты увидел то же, что и я, ты бы так же завизжал.
- А как *тебя* зовут, дружище? – поинтересовался Краб.
- Бен.
- Всего лишь чуточку короче, чем Урод.
- Беру свои слова обратно. Можешь возвращаться в свой океан.
- Да я шучу.
- Ну, знаешь, неподходящее время ты выбрал для шуток.
- Ладно, ладно, исправлюсь. Так что, в дом-то зайдем? Или станем тут торчать?
- Зайдем. погоди минутку. – Бен повернулся к Крабу. – Сможешь кому-нибудь передать

от меня весточку, если я не выйду оттуда живым?

- Нет.
- Это почему?
- Я тебе не курьер, козел. Не для того я сюда перся, чтобы поглядеть, как тебя опять

скрутит.

Бен не стал дальше развивать эту тему. Он вошел в дом и, перешагивая через разбитую мебель, начал подниматься по лестнице, замешкавшись перед маршем на третий этаж. Дверь на чердак по-прежнему стояла распахнутой настезь. Оттуда не доносилось ни звука.

– Кажется, ты не горишь желанием заглянуть туда, прежде чем я поднимусь, – сказал он Крабу.

- Ага, делать мне больше нечего.

Краб скользнул по деревянной фанеровке ступенек и буквально ввинтился на чердак. Вернулся он через несколько секунд.

- Там огромный мерзкий сверчок.
- Мертвый?
- Похоже на то.
- Он не шевелится?
- Нет.

Бен замер. С нижней ступеньки марша он чувствовал запах внутренностей сверчка: полное брюхо переваренных грибковых спор, гниющих и сочащихся на доски пола... разлагающаяся тварь, повсюду разбрасывающая свою гниль.

- Наверх-то пойдешь? – поинтересовался Краб.
- Готовлюсь.

– Не спеша ты ко всему готовишься, это уж точно. Через пять минут подняться легче не станет.

– Да, похоже на то.

Бен двинулся вверх по ступенькам и вновь увидел огромный труп чудовища. Из глазниц сочилась белая жижа. От этого зрелища Бена пробрал такой зуд, что захотелось содрать с себя кожу. Он больше никогда не сможет подниматься или опускаться по лестнице, не опасаясь наткнуться на пещерного сверчка таких габаритов, готового к нападению. Если он все-таки доберется до дома, то придется переехать с семьей в одноэтажную постройку вроде ранчо. В теперешнем его доме три этажа. Слишком много. *Никаких больше чердаков или подвалов. Сжечь к черту все чердаки и подвалы.*

За сверчком он заметил какой-то пульт управления. Выглядел тот совершенно новым, сверкая блестящим хромом. Там располагался красный рычаг и две большие ручки. Рядом с каждой виднелся пустой черный квадрат. Сквозь огромное окно за пультом Бену открылся восхитительный вид на океан. Напротив дома он разглядел в воде какой-то силуэт, темные очертания какого-то большого объекта. Но силуэт этот не шевелился. Это не рыба. Там стояло что-то, прикрепленное к дну океана.

– Ты знаешь, что там такое? – спросил он у Краба.

Краб быстро вскарабкался на подоконник.

– Кажется, что-то громадное.

Бен дернул за рычаг, но тот не поддался. Он пощупал правую ручку, легонько проведя по ровной матовой поверхности. По краям каждой ручки виднелись калибровочные метки, и Бен разглядел вытисненные на них номера: от нуля до девяноста девяти. Пульт управления напоминал блок очень дорогой стереоаппаратуры, словно какой-то чокнутый инженер из Дании довел искусство поворота регуляторов до совершенства и преподнес это как шедевр технической мысли.

Бен повернул левую ручку и почувствовал, как она щелкнула. Черный квадрат рядом с ней загорелся красным. Бен повернул ручку еще на щелчок, и квадрат сделался зеленым. Потом желтым. Затем белым. Следом за этим – лиловым. После – розовым. Дальше – снова черным. Бен повернул правую ручку, и цвета сменились в той же последовательности.

Он снова потянул за рычаг, но тот по-прежнему не поддавался.

– Тут есть какая-то комбинация, которая разблокирует рычаг, – сказал он Крабу.

– И какая же?

– Понятия не имею. Обычно в подобных ситуациях присутствует еще один элемент. Существует какой-то ключ. Нам просто нужно этот ключ найти.

Бен прижал руку к потолку, ища место, где тот поддастся под нажимом – нечто вроде скрытой ниши. Но увидел лишь голые стены. Он ринулся вниз и обыскал перевернутую вверх дном кухню и гостиную в поисках подсказок, но нашел лишь пустые вешалки и заплесневелые подушки. Он вспорол подушки, но из них посыпались лишь крошки серой пены, разлетевшись вокруг него. Бен ободрал обои и тщательно обследовал потолочные и половые стыки. Потом выбежал на улицу, следя за тем, чтобы не переступить черту и не злить тропу. Вслед за тем он обыскал пространство под домом, ощупывая сваи и трубы. Но ключ как в воду канул. Он вернулся в дом и стал крушить то, что уже сломал.

Вконец раздосадованный, он поднялся обратно на чердак.

– Ничего не могу найти, – признался он Крабу. – Все уже обыскал.

– Нет, не все.

– Что значит – «не все»?

Краб показал клешней на сверчка.

И тут Бен понял. Хорошенько подумав, он вспомнил, как засунул руку в глазницу сверчка и что-то там нащупал, но решил, что это какая-то часть тела.

– Может, слазаяшь туда вместо меня?.. – робко намекнул он Крабу.

– Ну уж нет.

Бен вернулся к пульту и начал лихорадочно подбирать комбинации из цветов и чисел, но все без толку. После каждого полного оборота числа и цвета выстраивались по-другому, делая попытки Бена бесплодными и бесконечными.

Он снова повернулся к жуткой твари. Ее задние ноги были расставлены, а усики вытягивались в разные стороны, словно чудовище хотело захватить все сразу.

Бен сунул в глаз сверчку раненую руку. Его вырвало на пол, пока он все глубже тянулся в утробу чудовища, ища предмет, на который наткнулся в первый раз. Наконец, спустя больше времени, чем он ожидал или надеялся, Бен нащупал небольшой твердый диск и вырвал его из глазницы сверчка. Диск был покрыт липкой желтой слизью. Он повозил диск по чердачному полу, пытаясь его очистить и в то же время перепачкав пылью и песком. Наконец Бен смог различить на диске красную и белую стороны. На красной стороне стояли цифры 61. На белой – 12. Он повернулся к пульту и выставил кнопки по комбинациям: красный 61 слева, белый 12 справа.

Он дернул за рычаг, и тот мягко подался. В окно Бен увидел, как вода забурлила в том месте, где находился гигантский силуэт. Поднялись волны, забулькали пузыри, и с мелководья на поверхность океана всплыл катер на воздушной подушке метров двадцати в длину, сияя белоснежным корпусом из армированного стекловолокна и сверкая влажно-черным толстым резиновым ободом ниже ватерлинии. Катер стоял носом в океан, и Бен разглядел на корме обтекаемые очертания рубки с двумя пропеллерами двигателей. Катер выглядел так, словно бросал вызов бесконечности океана. Пришвартован он был к тумбе-приколу на причале в форме гигантского камертона, и Бен видел, как тропа отклонилась и образовала две четкие параллельные линии, ведущие к причалу.

– Ага, так вот, значит, как, – заметил Краб.

Глава десятая. Катер

Рука у Бена все еще продолжала кровоточить после схватки со сверчком. Марля кончилась, так что он спустился к берегу – не сходя с тропы – и промыл порезанную руку в морской воде. Это оказалось не так-то просто: набегавшие волны поднимали прибрежный песок, который назойливо лез в рану. Он понял, что ему придется бесконечно ополаскивать руку. Краб поджидал его метрах в трех от берега.

Катер оказался огромным, прямо плавучим домом. На подобных судах Бену ездить не приходилось. Памятуя недавние события, он не ожидал найти на борту судна хоть что-то.

– Ты со мной? – спросил он Краба.

– Не лодка, а прямо загляденье. Пожалуй, прокачусь.

– Ладно.

– Однако мне нужны вода и еда. Если ты меня не покормишь, я спрыгну за борт, а дальше уж как знаешь.

– Разумеется, мы что-нибудь придумаем. Ты знаешь, кто все это делает?

– Что делает?

Бен провел рукой вокруг себя.

– Вот это. Это Бог?

– А кто такой Бог? – поинтересовался Краб.

– Это *ты* Бог?

– Назовешь меня Богом, я назову тебя Уродом. Как и с именем Фрэнк.

Бен задумался, как бы получше объяснить.

– Ты знаешь, кто такие люди?

– Да. На одного из них прямо сейчас смотрю. Впечатленьице не очень.

– Ну хорошо. У людей есть семьи. Люди-мужчины и люди-женщины сходятся вместе, заводят людей-детей и все такое.

– Прямо жуть какая-то.

– Я стараюсь объяснить как можно проще, а не пытаюсь поразить тебя.

– Давай дальше.

– У меня есть семья. Мы живем в местности под названием Мэриленд.

– Я знаю, где этот Мэриленд. У меня там семья.

– Прекрасно. Вчера я уехал из Мэриленда в командировку и заблудился, пропал. Ты меня слушаешь?

– Да.

– И вот я оказался здесь – сам не знаю, где. Я не знаю, где Мэриленд. Не знаю, что это за город. Не знаю, что это за океан. Я даже не знаю, на Земле ли я вообще, или же наелся каких-то ядовитых грибов, или что-то вроде. Я вообще ничего не знаю. Но передо мной открылась эта тропа, и каждый раз, когда я с нее схожу, кто-то или что-то пытается меня убить. Вот такие дела. Мне приходится следовать по тропе. Мне приходится *надеяться*, что она каким-то образом приведет меня обратно домой, хотя эта же тропа уводит меня от дома все дальше и дальше. И я не знаю, кто все это со мной вытворяет. Так что я жутко боюсь, Краб. У меня такое чувство, что моя семья погибла, а, может, это я погиб. Я даже не мог с ней попрощаться. Мне очень больно. Ну ты хоть что-нибудь понимаешь?

Краб немного помолчал, а потом ответил:

– По-моему, ты говорил, что раздобудешь мне поесть.

– Господи Иисусе.

– А это еще кто?

– Ладно, полезай на борт.

Краб легко запрыгал по причалу, пока Бен натягивал грязные бурые носки и полусгнившие кроссовки, а потом набрасывал на плечо рюкзак. Идя с отмели, он увидел, как перед ним открывается палуба катера. Это было шикарное судно, отделанное, как роскошная яхта. Главную палубу украшали стоявшие по периметру кожаные банкетки, обшитые резной ореховой доской. Ближе к носу катера располагалась специальная палуба для солнечных ванн с прочными шезлонгами и прикрепленными к полу скамейками. По центру палубы виднелись двойные белые раздвижные двери с матовыми оконцами, приглашавшие пассажиров внутрь катера. Бен спрыгнул на борт, открыл рундуки под банкетками и обнаружил там все необходимые предметы для обеспечения безопасности на море: спасательные жилеты, ракетницы, огнетушители, удилица для глубоководной рыбной ловли и прочий инвентарь.

Открыв раздвижные двери, он спустился вниз и оказался в главном салоне, который размерами превосходил его дом. Он напоминал полуостров под крышей с панорамным видом на море, простирившимся с левого борта до правого. Там же размещался великолепно оборудованный камбуз и два обеденных стола, а по самому центру салона располагался шведский стол. Все яства выглядели совсем недавно приготовленными, словно целый штат прислуги выставил их на стол и исчез в тот момент, когда Бен ступил на борт: горки свежеччищенных креветок, устриц и моллюсков, омары на блюдах с мелко наколотым льдом. Из серебряного ведерка торчала бутылка дорогого шампанского, запотевшая, в капельках ледяной воды... всем своим видом она манила его: подойди и выпей. Бен шагнул к блюду с устрицами и потянул носом воздух.

– Как вся эта еда могла остаться свежей? – спросил он у Краба.

– Не знаю.

Затем Бен подошел к большому блюду с мелко порубленными крабовыми лапками. Каменный краб. Бен слышал, что такой есть, но никогда его не пробовал. Он взглянул на Краба, ожидая одобрения.

– Даже и не думай.

– Ладно, ладно, – отозвался Бен. – Кто-то ведь выставил сюда все эти яства. Значит, на борту должен кто-то быть.

Он снова впал в навязчивое состояние, почти физически ощущая на себе чужие взгляды. Ему представились какие-то существа, видящие в рентгеновском диапазоне, которые таранились на него сквозь половицы.

– Пойдем-ка, – бросил он Крабу, и тот заковылял вслед за ним. Бен спустился на нижнюю палубу к каютам и там открыл все шкафы и перевернул все постели. Он заглянул во все ящички и тщательно обследовал все туалеты, но не обнаружил ни единого признака того, что какое-либо живое существо изволит почтить их своим присутствием. Все это убранство каким-то образом оказалось здесь. Опять шуточки.

Он поднялся обратно к столу.

– Есть хочешь? – спросил Бен Краба.

Краб подпрыгнул на месте.

– Тогда давай поедим.

Бен схватил тарелку (оказавшуюся подогретой) из стоявшей сбоку стопки и навалил на нее всего: икру полными ложками, хвосты омаров, бифштексы из пашины с огромной сковородки и устрицы, устрицы, устрицы. Затем он откупорил шампанское и принялся пить прямо из бутылки.

– Вот черт, – заметил Краб. – Да ты не дурак погулять.

– Должен же кто-то это ошенишь, – пробурчал Бен с набитым мясом ртом. И тут прямо за Крабом он заметил розетку с торчавшим из нее тоненьким беленьким проводком. Зарядка. Для его телефона.

Я смогу зарядить телефон.

Он вытащил телефон из кармана шорт и подсоединил к зарядке. Напряжения в розетке не оказалось.

– Надо завести двигатели, – сказал он Крабу.

– А как?

Посередине главного салона располагалась винтовая лестница. Бен схватил зарядку и рванулся вверх по ступенькам с энтузиазмом ребенка, лазающего по кабине «Боинга-747». Лестница вывела его на мостик. Оттуда открывался круговой обзор на море и береговую линию. Там стояли гидролокатор, пульт управления с сотнями кнопок и ручек, главный трансформаторный щит с рубильником и корабельный штурвал. Обычный современный штурвал, а не деревянный круг, как на пиратских кораблях. Бен ожидал увидеть все-таки деревянный штурвал.

В замке зажигания торчал ключ. Он схватился за него и повернул с такой силой, что чуть не сломал.

Позади него с чиханием ожили и заревели моторы катера. На пульте зажглись и заплясали маленькие прямоугольные индикаторы. Катер приподнялся над водой и погнал во все стороны волны, создавая вокруг себя поле с гидравлической тягой. Солнце уже садилось. И очень быстро. Когда начали сгущаться сумерки, Бен заметил, как засветились две параллельные линии из фосфоресцирующих водорослей, протянувшиеся прочь от берега.

На передней панели пульта виделась розетка переменного тока, и Бен воткнул туда зарядку с подключенным телефоном. Аппарат загрузился, но без заставки. Без вращающегося колесика. Без белого экрана. Вместо всего этого Бен увидел, как на дисплее появилась пожилая женщина. Она сидела в роскошном кресле посреди белой комнаты. На ней было белое платье и ярко-красное пальто. Бен сразу же ее вспомнил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.